

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

ОЛЬГА ПАШНИНА

КОСМИЧЕСКИЙ ПРИНЦ И ЕГО ЗАЛОЖНИЦА

Любовь внеземная (АСТ)

Ольга Пашнина

**Космический принц
и его заложница**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пашнина О. О.

Космический принц и его заложница / О. О. Пашнина —
«Издательство АСТ», 2019 — (Любовь внеземная (АСТ))

ISBN 978-5-17-115068-6

Бриллиана никогда не мечтала о звездах. Она смотрела в будущее, а не грезилась далекими мирами. Но все изменилось, когда Брилл встретила своего космического принца. Вот только принц оказался сказочным гадом. Теперь Брилл придется бросить родную Землю и вместе с Александром пересечь всю галактику. У них на пути иные миры, пугающие и удивительные, друзья и враги, радости и печали. Принца это путешествие снова научит любить, а вот его заложнице откроет самую сокровенную и в то же время ужасную тайну галактики.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115068-6

© Пашнина О. О., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пашнина Ольга

Космический принц и его заложница

Глава первая

Заложница с Земли

– Ко-о-офе! – не то прокричала, не то провыла я, первой врываясь в кафе. – Латте! Двойной! Хотя нет... эспresso и тройной! Если я сейчас не проснусь, умру во цвете лет.

За дверью снова завыл жуткий ветер, а в стекло ударили брызги воды.

– Может, посидишь? – спросил бариста. – Там, похоже, нештучный шторм надвигается. Тебя унесет, ты когда в последний раз ела?

– Кажется, что целую вечность. Я всю ночь учила эти дурацкие билеты, но, кажется, готова.

– Отлично. – Улыбчивый парень мне подмигнул, и я бросила в банку для чаевых пару монет. – Тогда удачи, что ли? Зайдешь потом рассказать, как дела?

– Обязательно!

В несколько глотков я выпила обожаемый крепкий кофе с ма-а-аленькой щепоткой корицы. Ах, как хорошо было бы посидеть за столиком с чашкой капучино, шоколадкой и карамельным мороженым. Смотреть на бушующую стихию, на черные волны океана, на сверкающие в небе молнии. Смотреть и релаксировать...

Но все это после экзаменов. Я готовилась к поступлению в этот колледж последние полгода. Угробила половину отцовского содержания на подготовительные курсы, перечитала гору учебников и, конечно, провела сотни часов за практикой. Я была уверена в своих силах и просто обязана поступить!

Этот экспериментальный курс по разработке игр я увидела случайно, когда прогуливалась по набережной после тренировки. Как заядлая фанатка РПГ, я не могла не отреагировать на набор экспериментальной группы в местном ИТ-колледже. Крупный разработчик, один из трех самых топовых на рынке, организовывал не просто целевое обучение, он сразу вовлекал будущих специалистов в свой проект!

Больше всего на свете я мечтала получить там место разработчика квестов. До вожденной цели осталось каких-то несколько шагов. Как же я волновалась, слов нет!

Вышла на улицу и тут же схватилась за ручку двери кофейни. Какой кошмарный ветер! В этом, пожалуй, единственный минус жизни у океана: если стихия разбушевалась, хорошего не жди. В прошлом году во время шторма снесло половину набережной и две статуи основателей города.

Поэтому хорошо, что я вышла заранее. Мелкими перебежками от столба к столбу и доберусь до колледжа. Мне бы только внутрь попасть, а дальше я уж как-нибудь разберусь.

Народу на улицах было совсем мало. Утро и ураган сделали свое дело. Поэтому когда мне дорогу перегородил какой-то мужик, я лишь раздраженно чертыхнулась про себя. Дороги ему, что ли, не хватает?

Но затем он задал вопрос, от которого я немного опешила:

– Бриллиана Кноринг?

– Да, это я, что-то случилось?

Надеюсь, моя квартира хотя бы не сгорела, потому что жить в коробке из-под холодильника я, даже будучи стажеркой в «ГлобалГейм», не хотела.

– Вам нужно пройти со мной.

Из-за капюшона и надвинутой на глаза кепки я никак не могла рассмотреть его лицо.

– Боюсь, я спешу на экзамен. Если у вас что-то не срочное, я подойду после него.

– Нет.

От удивления я остановилась и моргнула. Внутри что-то напряглось, интуиция не подсказывала, она вопила «Беги!», но во мне всегда была сильна мерзкая черта под названием «а что обо мне подумают?». А что подумают, если я ночью сорвусь на бег, услышав за спиной шаги? А что подумают, если я поспешу выйти из автобуса, увидев там пьяного? А что подумают, если я надену на каток шапку, потому что мне холодно, а всем вокруг нет? Эта черта и раньше мешала жить, а сейчас она, по ходу, даже не мешала, а самым натуральным образом угрожала!

И хотя рядом не было никого, кто мог обо мне как-то не так подумать, я все равно попыталась вежливо обойти странного мужчину.

Одним легким движением руки он перегородил мне дорогу.

– Я закричу! Пустите!

– Кричи.

Мою попытку заорать пресек особо сильный порыв ветра, от которого я задохнулась и на пару мгновений потерялась в пространстве. Потом мир перевернулся в буквальном смысле этого слова. Там, где еще пару секунд назад было темное небо, теперь оказалась мокрая земля. И наоборот.

– Пустите меня!

Я висела на плече этого психа и брыкалась изо всех сил, но сколько их было у девушки размера S, никогда не занимавшейся ничем, серьезнее фитнеса? Даже ногти, как назло, я стригла коротко.

В пылу борьбы за свободу и на фоне разворачивающегося шторма я почти забыла о страхе, который непременно обязан был сопровождать любую благовоспитанную девушку во время похищения. Просто не успела толком испугаться, а когда пришло время и организм решил, что пора и запаниковать, меня уже бросили в багажник огромной черной машины. Меня, а следом за мной небольшой серебристый кругляш, в центре которого нежно-голубым светом светила лампочка.

Едва крышка багажника закрылась, я услышала шипение.

– Выпустите меня! Помогите!

Это было последнее, что я успела прокричать, потому что нестерпимо потянуло в сон.

* * *

О боже, уже утро, а будильник не прозвенел!

Я вскочила как ошпаренная, скатилась кубарем с кровати и схватила телефон, который валялся на прикроватной тумбочке, на зарядке. Вернее, попыталась схватить, потому что телефона там не оказалось, как и самой тумбочки.

Сонное перепуганное сознание чуть-чуть прояснилось, а я осмотрелась и откровенно обалдела от увиденного.

Скромная квартирка с многочисленными фотографиями из путешествий, керамической кошкой на подоконнике и стареньким, уже скрипящим и еле работающим электрическим камином осталась в прошлом. Теперь меня окружали четыре серые стены, прямоугольная коробка, напоминающая кровать, и подсветка под потолком. Холодная, безучастная и пугающая.

– Ох! – Заползла обратно под одеяло, ибо обнаружилось, что я совершенно голая.

Несколько минут тишины наедине с собой и собственными воспоминаниями худо-бедно восстановили картину прошедшего дня. Ураган, торопливый кофе, экзамен... встреча на ветреной улице, багажник машины, и вот я здесь. Где? Вопрос хороший.

Прислушалась к мерному гудению. На лодке? В подвале? Наверное, в подвале, а гудит генератор, дающий электричество для подсветки.

Я свернулась клубочком так, чтобы из одеяла выглядывали только глаза. Осмотрела помещение в поисках камер, но ничего подозрительного не заметила. Правда, двери тоже будто бы не было. Конечно, она наверняка была замаскирована в стене или полу, но тот факт, что я ее не видела, добавлял некоторой паники.

Что ж, за мной не наблюдали, это плюс. Но для чего тогда похитили? Я не дочь монарха, не любовница политика, даже не соседка миллиардера. То есть папа, конечно, высылает мне чек на жизнь, но ведь это долг любого хорошего отца, особенно того, кто сбежал через год после рождения ребенка. Да и дает он не так уж много, надо думать, будь у меня богатый родственник, я бы не снимала студию размером с сарай.

Кое-как завернувшись в одеяло, я решила осмотреть комнату. Переваливалась, как медведь, все движения стали неуклюжими и медленными. Я шаг за шагом ощупывала стены в поисках двери и, когда вдруг на серой глянцевой поверхности засветились какие-то незнакомые символы, отпрыгнула и чертыхнулась.

Ничего не понятно. Я знаю английский, немного французский, еще немного немецкий, со словарем могу читать по-русски, ну и уж точно узнаю любой европейский алфавит. И азиатский. Арабский, пожалуй, не определяю, но этот не был похож вообще ни на какой из виденных мною ранее.

Я протянула руку, коснулась светящихся букв и в следующий миг поняла, что наконец-то нашла вожака. А еще через пару секунд отшатнулась к кровати, изумленно открыв рот.

Нет, это была определенно не дверь.

– Что за хрень?!

На стене напротив кровати обнаружилось окно. Хотя, пожалуй, ему больше подошло бы слово «иллюминатор» или... экран? В котором всю красовалась прекрасная голубая планета. Это изображение настолько часто демонстрировали в рекламах, фильмах и артах, что я испытывала странное чувство, глядя на матушку-Землю в реальности. Словно все это происходит не со мной.

Да и кто бы поверил в такое?

– Это что, какая-то комната квестов? – наудачу крикнула в воздух. – Мне нужно выбраться из комнаты за шестьдесят минут и получить приз?

Естественно, ответом стала тишина.

– Или не приз... Эй! Кто-нибудь! Слышите?! Я хочу есть! Ау-у-у! Мне надо в туалет! Я серьезно! Лучше выпустите меня, потому что иначе я...

– Туалет в углу, справа от тебя, – раздался мужской голос. – Открывается так же, как экран.

– А выход?

– А выход там же, где и вход. Но это не твоя забота.

– Кто вы такой? Что вам нужно?

– Я занят. Тебе нужно было в ванную. Вот и иди. Не заставляй меня думать, будто ты соврала.

Что-то в его голосе подсказало хотя бы для вида сходить в уборную. Повторив касание к стене, я действительно обнаружила небольшую дверь, которая открылась от легкого движения и пустила меня в ванную.

Аж глаза заслезились от стерильного белоснежного интерьера. Помещение было крохотным, в него едва влезали душевая кабина, унитаз и крохотная раковина, до краев заполненная какими-то голубоватыми шариками размером с витаминки. Крана не было.

– Мм... и как здесь умываться?! – без особой надежды спросила у своего невидимого собеседника.

Но он, к моему удивлению, ответил:

– Возьми пару штук и разотри в ладонях.

Почти сразу руки обдало холодной свежестью. Эти шарики чем-то напомнили стерильные гели, которые обычно использовались в поездках и на прогулках. Я бы предпочла старую добрую воду, но и такой освежающий эффект устроил. Душевую решила не трогать, тем более что и в ней все надписи казались абракадаброй.

Когда я вернулась в комнату, на кровати стоял поднос с едой. Странно... я не слышала, чтобы кто-то ходил по комнате. Но и есть то, что он мне принес, не собиралась. Неизвестно, что может быть в еде.

– Ничего, – сообщили сверху.

Я подскочила и выругалась так крепко, что даже стало стыдно. Хотя похититель и заслуживал самых отборных ругательств.

– Вы что, мысли читаете?

– Ага.

Может, я в коме? Меня снесло ураганом и ударило об столб, а теперь я лежу в коме и смотрю кино внутри собственной головы? Тогда неудивительно, что мой же глюк может читать мои же мысли.

– Если бы я хотел тебя отравить или усыпить, я сделал бы это уже давно. Незачем подмешивать тебе яд в еду, ты и так в моей власти.

– И что вы будете со мной делать?

Голос предательски дрогнул. Адреналин от нестандартного пробуждения сходил на нет, и я начинала медленно, но верно впадать в настоящую женскую панику.

– Слушайте, ну мне же страшно! – не выдержала я. – Не молчите! Где мы? Это ваш дом? Кто вы такой? Как вас зовут?

– Александр.

– Отлично. Александр. Александр.

– Александр Фортем.

– Что вам от меня нужно?

– Я старый друг твоего отца.

Отца... спокойно, Брилл, спокойно. Друг отца – уже что-то. Вряд ли у обычного инженера есть враги или какие-то влиятельные друзья. Наверняка у всего этого есть объяснение.

– Это отец просил вас забрать меня?

Боже, что за чушь я несу! Конечно, отец, который всю жизнь оплачивал мои счета, попросил друга приехать, бросить меня в багажник и запереть в комнате.

После долгой паузы этот Александр соизволил ответить:

– Нет, твой отец не просил тебя забирать. Я хочу, чтобы он кое-что сделал для меня, а ты – отличный стимул.

– Заложница. Но зачем? Он обычный инженер где-то на другом конце страны.

– Очевидно, что раз ты здесь – не обычный. – В его голосе появилось раздражение. – Ешь обед, я не буду носить тебе еду по требованию.

– Какой вы заботливый, – пробурчала я, но за кашу все-таки взялась.

Сказанное Александром поселило в душе зерно сомнения. Я редко виделась с отцом, он объяснял это дорогими перелетами и высокой загруженностью. Работал где-то инженером по насосным системам, проектировал всякие станции и, как мог, помогал мне финансово.

Конечно, ему платили хорошо, но все же снимала я небольшую квартирку, а одевалась не у «Шанель». И что такого важного в насосных системах, что пришлось меня похищать?

Вариантов на самом деле было несколько.

Первый и самый простой: меня с кем-то перепутали. Ну... может, этому Фортему дали не то имя, может, он думал, что отец какой-нибудь секретный инженер. И скоро выяснится, что я совсем не ценная заложница. И что тогда?

Я снова взглянула на экран. Пусть это окажется обычный телевизор, элемент интерьера! Потому что думать о других объяснениях было слишком жутко.

Второй вариант: папа мне врал. И на самом деле он не инженер по насосным станциям, а какой-нибудь секретный конструктор. И меня похитил агент вражеской разведки, а дальше... дальше, увы, супергерой с автоматом не придет меня спасать. Перспективка так себе.

Ну и еще я оставила небольшую вероятность на то, что этот Александр мне соврал и отец тут ни при чем. Всякое бывает, и такое тоже. Однако от того, что я все разложила по полочкам, легче почему-то не стало. Я давно хотела научиться с оптимизмом смотреть в будущее, но сейчас в него вообще смотреть не хотелось.

Ни один из моих последующих вопросов, а задала я их вагон и маленькую тележку, не получил ответа. Похититель отказался общаться с заложницей. Я облазила все стены в поисках выхода, но ровным счетом ничего не добилась и в сердцах пнула несчастную кровать. В один момент в комнате погас свет, и мне ничего не оставалось, как забраться под одеяло, чтобы вволю поплакать и пожалеть себя за несчастную судьбу, пропущенный экзамен и ускользнувший шанс на нормальную работу. Ну и туманные перспективы выживания, конечно, тоже не вдохновляли.

* * *

Из всех заданий Александра это было самым странным. Нет, он и раньше, бывало, похищал людей или использовал шантаж, чтобы добиться желаемого. Но то были, как правило, враги. Другие разведчики, предатели, галактические преступники. Они знали, на что шли, вступая в противостояние с альянсом. А эта девочка в каюте не знала, она вообще ничего не знала о мире, лежащем за пределами ее планеты. Когда отец озвучил ему задание, Александр даже не сразу поверил в то, что это не шутка.

Взять заложницу, чтобы ее отец передал империи секретные разработки? Серьезно?

Но все оказалось именно так. И теперь Бриллиана Кноринг спала взаперти, а Александр пытался проложить маршрут для возвращения домой.

Он как раз заканчивал читать карту, когда на всем мостике вдруг пропал свет. Вмиг Александр оказался в кромешной темноте, не горела даже панель управления кораблем. Словно питание вдруг отключилось. Но ведь двигатели еще работали, а значило это лишь одно: кто-то перехватил управление и отключил энергию, оставив лишь системы жизнеобеспечения и двигатели.

Мужчина выругался. Он думал, будет хотя бы пара дней прежде, чем они заметят похищение девушки, но, похоже, ему в последнее время фатально не везет.

Что ж, порой самая лучшая тактика: ждать. Посидеть в темноте никогда не вредно. Можно обдумать дальнейшие действия, прикинуть перспективы, придать лицу выражение крайней степени скуки. Просто чтобы побесить того, кто в скором времени покажется на экране.

В общем-то так и вышло. Экран, который еще недавно показывал небольшую голубую планету, вдруг продемонстрировал интерьер замшелого кабинета с удивительно унылыми серыми стенами.

– Александр. Не ожидал увидеть именно тебя.

– Аналогично, Брайан. Я думал, ты будешь умнее. Работать на внешние границы? Серьезно?

– Всего лишь бизнес. Они больше платят.

– А куда ты планируешь тратить деньги, если альянс сотрут с лица галактики?

Кноринг рассмеялся, как-то удивительно по-доброму. Вообще все в этом темноволосом и еще достаточно молодом (для двадцатилетней дочери так уж точно) мужчине говорило о дружелюбии. Словно они вели светскую беседу.

Но Александр не обольщался: управления кораблем все еще не было.

– Послушай, – Кноринг сделал паузу, обдумывая слова, – я не виню тебя. Ты принц, пусть и всю жизнь отрицаешь свое происхождение. Ты хороший профессионал, а еще сын своих родителей. Но неужели ты всерьез способен причинить вред юной девочке? Просто за то, что я не работаю на альянс?

– Слышал бы ты, как она ругается. Впрочем, если тебе действительно интересно, то подожди пару минут. Я устрою вам встречу и заодно популярно объясню, на что я способен в отношении... как там? Юной девочки? Ну вот сейчас и разберемся, тем более мне все равно скучно, на корабле, знаешь ли, отключили свет.

С этими словами он поднялся, не забыв прихватить шприц со снотворным. Кноринг был в чем-то прав, мучить и пугать создание, которое не виновато в том, что его отец продан врагам, не было никакого смысла. Александр лишь надеялся, что сам Брайан будет действовать разумно, и тогда Бриллиане вообще ничего не грозит. А вот если откажется сотрудничать... О плохом думать не хотелось. Хотя и этот вариант он предусмотрел.

Сам того не зная, Кноринг помог ему. Бриллиана решила, что погасший свет – отличный повод лечь спать, и забралась в постель. Когда нужно, Александр умел двигаться совершенно бесшумно. Вряд ли девица успела что-то понять, укол получился быстрым и безболезненным. Лишь медленнее задышала, глубже и спокойнее. Она почти ничего не весила, но в слабом свете аварийных указателей смотрелась очень привлекательно.

Всю дорогу до медблока он размышлял, как у обычного и ничем не примечательного Кноринга получилась такая красивая дочь. Любопытно было бы взглянуть на ее мать, но о том, кто произвел на свет Бриллиану, сведений не было вообще. Что странно: Градвин давно работал на дворец и редкая задача по поиску информации оказывалась для него непосильной. Но кем бы ни была возлюбленная Брайана, она наверняка обладала выдающейся красотой. Полные яркие губы, аккуратный прямой нос и шикарные каштановые волосы девушка унаследовала явно не от отца.

В медблоке Александр усадил ее в кресло. К счастью, генераторы для медицинской системы работали всегда, вне зависимости от общего питания корабля. Их должно хватить на двое суток такого дрейфа, но мужчина рассчитывал вернуть управление себе быстрее.

Пришлось повозиться. Сначала настроить аппарат для подкожных инъекций, потом подключить видеосвязь к местному генератору, чтобы полностью ее контролировать. Кноринг наверняка там весь извелся. Но он как никто другой должен был понимать, что у кого-кого, а у Александра Фортема всегда есть план на случай форс-мажора.

Наконец все было готово. Бросив последний взгляд на спящую Бриллиану и ощутив слабый укол совести, Александр только отмахнулся. Те, с кем работал Кноринг, пытались развязать войну, а на ней без жертв не бывает.

Экран услужливо вернул изображение Брайана. Увидев дочь, он нахмурился. По лицу пробежала тень.

– Ты знаешь, что я не люблю долгие разговоры. Верни мне управление кораблем, встретись с императором и передай ему все разработки. А я увезу твою Бриллиану в безопасное место. Какое-нибудь очень красивое и теплое. Будь уверен, пока не станет безопасно, она будет жить как принцесса.

– А иначе?

– Несправедливо заставлять страдать такую милую и невинную девушку, однако ты ведь понимаешь, что или ты станешь сотрудничать, или я не смогу гарантировать, что малышка будет в порядке.

– А разве мамочка не учила тебя доброте и всепрощению? – криво усмехнулся Кноринг.

– С тех пор многое изменилось. Но речь не обо мне. О тебе. О ней, – Александр кивнул на Бриллиану. – Неужели тебе плевать на дочь?

– Допустим, не плевать, но чего ты хочешь? Чтобы я отказался от обязательств? Предал тех, с кем работаю, ради ваших политических интриг? Я старался защитить Брилл, видят звезды, старался, но допускал, что произойдет нечто такое. Ты не сможешь убить ее.

– О, убить, разумеется, нет. – Александр рассмеялся. – Да и зачем? Одноразовая заложница не принесет пользы. Знаешь выражение «вода камень точит»? Если я убью твою очаровашку, ты погорюешь пару месяцев и с удвоенной силой начнешь клепать свою вафельницу. А вот если я сделаю кое-что другое, ты будешь долго размышлять о смысле всего, что делаешь. К тому же не забывай, что мне нужно обезопасить себя. Видишь ли, я не люблю просто дрейфовать рядом с дикой планетой, в то время как меня ищут ваши ребята. Поэтому я переложу эту проблему на твои, Брайан, плечи. Но дам тебе последний шанс. Верни мне управление и встретись с императором. Он гарантирует тебе жизнь. Куда более обеспеченную, чем ты имеешь сейчас.

Но Кноринг со вздохом покачал головой.

– Ты многого не понимаешь, Александр, как и твой отец. Вы оба слишком категоричны, вы не понимаете целей и средств, которые их оправдывают.

– О, я все понимаю куда лучше, чем ты думаешь. Ладно, Брайан, ты не дурак, ты знаешь, на кого работаешь, поэтому будь по-твоему.

Кноринг внимательно следил за каждым его действием и, как бы ни старался, не мог оставаться равнодушным. Он не зря прятал дочь на дикой планете, если бы Бриллиана не вызывала у него никаких отеческих чувств, он не стал бы ограждать ее от творящегося беспредела. Поэтому шанс ускользнуть еще оставался.

Вряд ли даже Брайан, знавший его весьма и весьма неплохо, ожидал, что Александр возьмет прибор для забора крови и приложит к своей руке. Несколько секунд Кноринг непонимающе хмурился, а потом побледнел.

– Ты псих! – рявкнул он. – Ты ее убьешь!

– Проверим. Если в ней кровь земной женщины, то не убью. А вот тебе придется как следует заморочиться, чтобы сохранить свою девицу. Сам ведь знаешь, что случится, если нас найдут.

Кнорингу оставалось только яростно сжимать кулаки. Александр лишь убедился, что Брайан был бессилен и ровным счетом никакого влияния не имел.

– Извини, Брай, но это единственный выход для всех нас. Я понимаю, что ты вляпался. Понимаю, почему тебе так важно закончить работу. Но если тебе действительно дорога дочь – верни мне корабль и найди способ встретиться с императором. Пути назад нет, и если убьют меня – погибнет и она.

– Она ребенок!

– Уже нет.

Александр взглянул на все еще безмятежно спящую девушку, в то время как на ее руке обретал очертания изящный, но в то же время простой узор-татуировка. Кожа в месте соприкосновения с иглой покраснела, маленькие капельки крови ярко скатывались на подлокотник кресла.

Мужчина зашел за ее спину и несколькими легкими движениями убрал волосы, обнажая шею и ключицу. Кожа на ощупь показалась удивительно нежной и теплой.

– Ты знаешь, что будет дальше, ты очень хорошо это знаешь, верно? Ты допустил большую ошибку, теперь от тебя зависит ее судьба. Или она станет принцессой, или будет заложницей, которая пойдет на все, чтобы оказаться в объятиях похитителя. Как по мне, выбор однозначный. Управление кораблем и сотрудничество с императором – вот моя цена. Прощай, Брайан, – холодно произнес мужчина. – Делай свой разумный выбор и молись, чтобы моего мастерства хватило защитить твою дочь.

С этими словами Александр отключился и в полной темноте опустился в ближайшее кресло. Сделанного не вернешь, Бриллиана Кноринг теперь связана с ним навечно.

Он на самом деле не верил в такой исход. Сначала блефовал, неверно оценив возможности Кноринга. Потом думал, что прервет процедуру, едва возникнет прямая угроза жизни девушки, но... Она даже не проснулась. Монитор демонстрировал идеальные показатели, с такими данными ее взяли бы без особых проблем даже в армию. Она спокойно спала в кресле, не подозревая, что в этот момент к ее крови примешивается другая, разносится по организму, создает прочную связь с одним из последних дгнарнов в галактике.

– Что в тебе такого? – задумчиво пробормотал Александр.

Но вряд ли кто-то мог дать ответ.

Сколько он так просидел, не смог бы сказать. Очнулся, когда система подала сигнал о завершении и отключилась. Питание так и не восстановилось, но счет пока что шел не на часы. У Брайана будет время подумать, и, раз уж пришлось зайти так далеко, следует использовать все возможности.

Эмирт сделал несколько снимков спящей Бриллианы, затем крупно взял новую татуировку, закрытую заживляющей повязкой.

Когда Александр снова взял девушку на руки, почувствовал легкий весенний аромат, исходящий от ее волос. Запах земных цветов – наверняка молодая девушка выбрала именно их – оказался неожиданно приятным, хотя мужчина и не испытывал какого-то трепета перед дикими мирами в отличие от своей матери.

В комнате, когда Бриллиана уже лежала в постели, он сделал еще несколько снимков и затем отправил их Кнорингу. Если и это не сработает, то им действительно придется тугο. Не сказать, что у него не было запасного плана, в конце концов можно в спасательной капсуле спуститься на Землю и попробовать скрыться там. Но миссия будет полностью провалена, вряд ли ему удастся скрыться вместе с Бриллианой.

– Сочувствую, – хмыкнул он, наблюдая за спящей пленницей, – у тебя и отец скотина. И муж теперь тоже.

Александр опустился на пол рядом с экраном и закрыл глаза. Все равно оставалось только ждать.

Глава вторая

Привязанная кровью

Я проснулась, но как-то нехотя, с явным желанием перевернуться на другой бок и поспать еще. Какой-то нездоровый и тревожный сон, но о причинах этого туманная голова думать не желала. В общем-то ни о чем она думать не желала, поэтому я, как и хотела, перевернулась на другой бок. Чтобы через секунду подскочить и заорать от боли в плече. Мне словно кожу живьем содрали или, не знаю, кипятком облили! Непроизвольно из глаз хлынули слезы.

Рукой я нащупала повязку, но в крошечной тьме не смогла толком ее рассмотреть.

– Не трогай, инфекцию занесешь, – сообщил голос из темноты.

От неожиданности я вздрогнула и всхлипнула. Получилось очень жалостливо, как-то унижительно, что ли. Вот еще, плакать перед ним тут!

– Что вы со мной сделали?! Что это такое?!

– Всего лишь татуировка.

– Что-о-о?! То есть... так, ладно, вы что, маньяк-татуировщик? Похищаете девушек и разрисовываете их под хохлому?

– Под что? – вежливо уточнил гад.

– Неважно! Объясните мне, что происходит. Кто вы такой? При чем здесь мой отец? И зачем эта татуировка вообще? Где мы?

Этот Александр, которого я до сих пор не видела (если не считать слабых очертаний в темноте), начал с последнего вопроса, но, пожалуй, этого мне хватило, чтобы замереть и забыть про любую боль:

– Мы на моем корабле. Ждем восстановления питания, чтобы улететь из Солнечной системы.

– А?

– В космосе. Рядом с твоей планетой.

– Э-э-э... вы псих?

– Нет, Бриллиана, я не псих, – с тяжелым вздохом ответил Александр. – За пределами планеты, на которой ты выросла, есть огромный мир. Несколько мощнейших звездных империй и государств. Альянс, который состоит из двух крупнейших империй Канопуса и Денеба, а также их союзников. И несколько объединений вне системы. Я работаю на Канопус. Твой отец сотрудничает с людьми, которые управляют так называемыми внешними границами. Это разрозненные системы и станции на самых окраинах галактики. Довольно мрачные места, с варварскими устоями.

– Мой отец – инженер... – не очень уверенно проговорила я.

– Верно, инженер. Только не на Земле. Он учился на Террестрисе, подавал большие надежды, а затем внезапно исчез. Мы потеряли его из виду, а теперь выяснилось, что он работает на внешние границы. И не просто работает, а разрабатывает очень мощные военные системы. Канопус не может допустить, чтобы они попали в чужие руки. Мы искали слабые места Кноринга, способ остановить его и заставить передать разработки нам.

– И нашли меня.

В голове не укладывалось. Космос, звездные империи, папа, работающий на какие-то там внешние миры или границы... но внутри что-то подсказывало, что Александр не лжет. Не похож он был на человека, который живет в плену собственных фантазий. Да и я видела Землю, видела на экране и в глубине души сразу поняла, что происходит.

– Да, мы решили, что ты – отличный козырь в переговорах с Кнорингом. Я должен был забрать тебя с Земли и увезти туда, где никто нас не найдет. До тех пор, пока разработки не окажутся у императора.

– Должен был? – Я насторожилась. – Что изменилось?

Вместо ответа мужчина хмыкнул. Я едва различила, как он многозначительно повел в воздухе рукой, словно спрашивая «сама не видишь?».

– Кноринг и люди, на которых он работает, оказались куда сильнее, чем мы думали. Они взяли под контроль корабль и уже летят сюда.

Сердце пропустило удар.

– И что это значит?

– Я связался с твоим отцом, попытался уговорить его перейти на нашу сторону. Вернуть кораблю управление и сдать его императору. В обмен на его и твою жизни.

– А он?..

Что-то мне подсказывало, папа послал этого Александра очень далеко с его требованиями. Мы мало общались в последние годы, но я совершенно четко помнила, что отец порой был жестким и бескомпромиссным. Но мог ли он пожертвовать мной, чтобы спасти свою работу? Ох, хотелось бы думать, что нет, но так ли хорошо я знала человека, который вырастил меня? Ведь я даже не догадывалась, что за пределами Земли существует целый мир!

Бедные уфологи, их ведь все считают психами. Хоть бы кто намекнул, жалко же ребят.

– Кноринг отказался сотрудничать. Он надеялся, что спрятать тебя на дикой отсталой планете будет достаточно. Пришлось прибегнуть к крайней мере.

– Татуировке? Папа что, татуировкофоб?

– Это брачная... или, вернее будет сказать, связующая татуировка дгнарнов. Видишь ли, я не совсем человек. У меня есть некоторые особенности, в частности, мужчины моей расы не женятся. Вместо свадьбы у них существует ритуал привязывания к себе женщины. Ей делают татуировку чернилами на основе крови дгнарна. Татуировка создает связь... зависимость, если хочешь. Женщины у дгнарнов существуют на положении принадлежности. Татуировки заставляют их быть рядом с избранником и вызывают определенные чувства.

Я поняла, что сейчас упаду с кровати, потому что все это время я медленно, но верно отползала от Александра как можно дальше. Все, что он говорил, звучало бредом! Лютым, невероятным, невысказанным бредом шизофреника! Принадлежащие кому-то женщины... зависимость... И это Земля – отсталая планета?! Земля, с ее феминизмом и прочими толерантностями?

Нет, я, конечно, не одобряла некоторые современные тенденции вроде принятия душа раз в месяц или отказ от депиляции в знак борьбы за права женщин, но все равно искренне восхищалась правозащитными организациями, которые выступают против варварских обычаев и жестокого обращения с женщинами. Неправильно забивать камнями неверную жену, нельзя делать изгоев из вдов, чудовищно калечить девочек, чтобы они никогда не получали удовольствия в постели с мужчиной, но... но...

– Зачем?! – только и смогла выдохнуть я.

– Чтобы у твоего отца был стимул нам помочь. Если твоя жизнь будет зависеть от моей в самом прямом смысле этого слова, то Кнорингу придется сотрудничать. Он так тщательно тебя оберегал, что сомнений в отцовских чувствах нет. Ему понадобится время, чтобы вернуть мне управление и подумать, как выполнить мои требования, но он сделает все, чтобы тебя спасти.

– И если он это сделает, вы сведете татуировку?

На самом деле я уточнила это без особой надежды. Пока что ничего, кроме жжения в руке, я не чувствовала. Никакой зависимости, никакой связи.

– Нет, татуировку свести невозможно, вместе с краской в твоей крови препарат на основе крови дгнарна.

– И что мы будем с этим делать? То есть ладно, допустим, это вынужденная мера, но неужели вы вот так легко связываете себя с незнакомым человеком? Даже если я поверю во все это...

– Мне плевать, согласишься ты или нет, – отрезал Александр. – Факты таковы, что ничего уже не изменить. Благодарю своего отца, я давал ему шанс обойтись малой кровью.

– Знаете, что мне это напоминает? Назло бабушке отморожу уши! Вот и вы назло моему отцу не придумали ничего лучше этой татуировки.

– Что ты предлагаешь делать? Умирать? Обеспечу тебе такую возможность чуть попозже. Если будешь слушаться, негативных последствий будет меньше.

– Что он делает? Мой отец. Что за оружие он разрабатывает?

– Ты действительно думаешь, что я тебе расскажу?

Я угрюмо залезла под одеяло. Не так-то просто это оказалось сделать с саднящей рукой, но в комнате, по ощущениям, стремительно падала температура. Тоже следствие отсутствия электричества?

– В твоих интересах помочь папочке принять верное решение. Когда появится управление, запишешь для него обращение...

– Пошел к черту! – рявкнула я.

– Мисс Кноринг...

– Направо шагом марш! Дверь с той стороны закрой!

– Ладно, – в голосе похитителя явственно прозвучала угроза. – Не хочешь по-хорошему, оставлю тебя тут подумать. Сама к вечеру прибежишь.

Послышались торопливые шаги, и когда я высунула нос из-под одеяла, в комнате уже никого не было. Так и не рассмотрела этого психа толком, только силуэт, и то издали.

Что он имел в виду и куда я должна прибежать к вечеру?

Сон не шел, пульсирующая боль в руке напоминала о том, что это все не глюк, сгенерированный сознанием из обрывков воспоминаний о фантастических книгах и фильмах. Я прокручивала в голове все услышанное и раз за разом приходила к неутешительным выводам.

По всему выходило, что прав был именно Александр.

Во-первых, я никогда не знала маму и папа отказывался о ней говорить. Я думала, виной тому болезненный развод или ее ранняя смерть, но что, если она была так далеко, что у меня не было ни одного шанса с ней встретиться?

Во-вторых, я и папу-то, строго говоря, не видела толком. Он уехал работать, когда мне был всего год, и с тех пор высылал деньги на жизнь и подарки к праздникам. Мы довольно тепло общались по скайпу, но никогда не обсуждали его работу или прошлое. Он уклонялся от всех прямых вопросов и только отмахивался, говоря, что завод – скучное и грязное место.

Я часто думала, что раз уж он так тепло ко мне относится, дает деньги и живо интересуется моей жизнью, мог бы приехать на один из дней рождения. Да хоть просто погулять! Он выглядел искренне расстроенным, когда я звала его в гости, неизменно отвечал, что работает в закрытом городе и не скоро получит возможность путешествовать.

Что ж, если он работал на другой планете, это бы все объяснило. Кроме космического скайпа и звездно-голубиной почты, которая приносила чеки. Как он их высылать-то умудрялся?

Но на самом деле я имела серьезные подозрения, что, несмотря на теплые отношения, папа не пожертвует работой ради меня. Поэтому когда через некоторое время всю комнату вдруг залил яркий свет, я инстинктивно спрятала голову под одеяло, глаза от такого успели отвыкнуть.

Все пространство тут же наполнилось гулом, я ощутила легкую вибрацию. Экран, который я открыла уже знакомым касанием стены, продемонстрировал, как стремительно удаляется матушка-Земля. Мы сматывались.

Потом о себе напомнила татуировка, и я стрелой метнулась в ванную, к зеркалу. Без колебаний отодрала повязку и выругалась, очень громко и грязно. Захотелось, чтобы Александр услышал и непременно отнес на свой счет.

Касаться припухшей красной кожи я побоялась, но черные узоры, похожие на клубок змей, оценила в полной мере. Радовало лишь то (если в этой ситуации вообще что-то могло радовать), что татуировка не занимала половину руки. Если не удастся свести, буду носить рукава или перекрою какой-нибудь приличной картинкой.

Но если в наличии татуировки сомневаться не приходилось, то сказки про зависимость и прочий бред скорее всего были только сказками. Ничего особенного я не чувствовала. А несколько шариков с освежающим гелем успокоили раздраженную кожу вокруг «украшения». Саму татуировку мазать не рискнула.

Безделье растягивало минуты на часы, и вскоре я совсем потеряла чувство времени. Сидела на постели и смотрела на экран, где кроме черного бархата, усыпанного мигающими белыми точками, не было ровным счетом ничего. Мне снится это? Снится, как я лечу сквозь звезды? Если бы снилось, не болела бы так рука.

Что чувствует человек, на голову которого свалились такие новости? Растерянность, панику, недоверие, злость. Наверное, нормальный человек сейчас бился бы в истерике, требовал вернуться домой, а я словно попала в один из снов, где тяжело двигаться и даже с трудом получается открыть глаза. Какая-то полудрема.

«Наверное, упало давление», – подумала я, когда почувствовала легкую тошноту. Конечно, до этого момента я не испытывала проблем с давлением, но все когда-то бывает в первый раз, а кто вообще знает, как организм отреагирует на полет в космос? Люди ведь тренируются годами! А меня вытащили из уютной... э-э-э... ну, на самом деле оторвали от не очень уютного столба, но тем не менее.

Или, может, стоило плотнее поесть? Впрочем, вскоре я потеряла способность связно формулировать вопросы к судьбе.

Мне никак не удавалось выбраться из этого состояния полусна. Я отчаянно хотела провалиться в глубокое забытие, но не могла. Но и проснуться не выходило, тело налилось тяжестью. Плотная ткань одеяла неприятно царапала кожу. Ни разу не замечала, что хлопок такой отвратительно грубый. Долго ворочалась, но прохладные простыни только на пару мгновений облегчали состояние.

«Температура», – догадалась я и как-то обреченно вздохнула.

Температуры мне еще не хватало! Я застонала, свернувшись под одеялом калачиком. Жар усиливался, ноги на ощупь были ледяные, а морозило так, что в один момент я по-настоящему перепугалась.

Что Александр будет делать, если я серьезно заболею? Он вряд ли врач. Есть ли врач на корабле? А лекарства? А если у космической цивилизации нет лекарства от ветрянки? Я ведь вообще ничем не болела! Ни ветрянкой, ни краснухой, ни даже завалящим ОРВИ. Ни разу! Сильный организм, спорт, южный морской климат – папа всегда радовался, что я в отличие от сверстниц не болею. Но что, если ресурсы организма истощены?

Невыносимый болезненный спазм скрутил все тело. Я не могла понять характер боли, она напоминала неприятную ломоту после слишком интенсивной тренировки, но усиленную в десятки раз, смешанную с жаром и щедро приправленную жуткой чувствительностью, из-за которой казалось, что я лежу не на мягкой постели, а на раскаленных углях, перемешанных с иглами.

– Мне плохо, – простонала я без особой надежды.

Но вскоре в комнате послышались шаги.

Одеяло куда-то исчезло, но прикосновение прохлады совсем не принесло облегчения, я только сильнее задрожала. Щеки и лоб были уже просто раскаленными, а когда я в попытке унять слабую тошноту глубоко дышала ртом, казалось, что я нахожусь в очень сухой сауне.

Сердце скакало туда-сюда, пропускало удары, билось вообще непонятно как, и его совсем не волновало состояние хозяйки.

– Ну вот, – раздался чей-то голос, – упрямство до добра не доводит.

Сквозь пелену из слез я увидела, как ко мне тянется рука, и из последних сил попыталась отстраниться. Страшно было представить, какую боль может причинить касание, если обычная ткань, по ощущениям, оставляла кровавые ссадины.

Но когда прикосновение все же состоялось, я удивленно замерла. Там, где прохладные пальцы погладили плечо, боль ушла. Странное, незнакомое удовольствие прокатилось по телу, и жар будто стал слабее. Я удивленно приподняла голову.

– Что... что со мной?

– Не волнуйся. Я тебе помогу.

Разум кричал: нельзя! Но разве может разум противостоять инстинктивному желанию избавиться от боли? Меня подняли с постели, поставили на холодный пол, и каждое, даже сильное, прикосновение приносило облегчение. Казалось, даже просто стоять рядом, дышать одним воздухом стало проще, чем медленно умирать в одиночестве.

– Что вы со мной сделали?!

А он только бесстыдно меня рассматривал! Похоже, сознание ко мне возвращалось, потому что я вдруг поняла, что практически голая, охнула и отвернулась от него.

– С ума сошли! Уходите!

Ага, сейчас. В мгновение ока я оказалась спиной прижата к широкой и твердой мужской груди, а руки нахала сомкнулись у меня на животе.

– Не сопротивляйся, глупая, – прошептали мне на ухо.

Ну, я и сделала ровно наоборот. Брыкалась, как пациентка психушки. Рычала даже, кажется. Точно не уверена, от пережитого толком не отошла, но всю ярость, всю досаду и неуверенность выплеснула в этой схватке. Разомкнуть объятия не получилось ни на миг, но по комнате мы помотались знатно и я наверняка доставила много неприятных минут похитителю. Так много, что в один момент он просто не выдержал:

– Ну все, все! Хорошо повоевала. А в этот момент нужно перестать сопротивляться и с готовностью броситься в объятия властного героя!

Этот тон, с издевочкой, с усмешкой и нарочитой небрежностью, выбесил куда сильнее болезненных спазмов и жара. Сама не знаю, откуда взялись силы, да и как вообще такая мысль пришла в голову, но я дернула затылком и, судя по хрусту, хорошо так приложила Александра по лицу.

Меня тут же выпустили, и раздалась ругань. Но смотреть, по какому месту я там попала, не стала, а юркнула быстро под одеяло и там съежилась в надежде согреться.

– Тебе самой-то не больно?! – рявкнул мужчина, прижимая руку к лицу. – Ты мне нос разбила!

– А ты что пытался сделать? – хриплым голосом спросила я.

– Да я помочь тебе хотел! Это последствия татуировки. Твой организм ищет дозу, а доза – это я.

– Ты?

– Я!

– Тебя надо сожрать?

Мне показалось, или он опасливо на меня покосился и чуть было не отступил на шаг назад?

– Нет. Со мной надо заняться сексом.

– Ну вот кому надо, пусть тот и займется.

– Хорошо, страдай дальше, моя совесть чиста. Захочешь пообщаться, подай знак.

– Средний палец покажу.

– Невоспитанная девчонка!

– Маньяк! Наркоман!

– Я? Позволь тебе напомнить, что это ты теперь зависима, а вот мне ничего не помешает выкинуть тебя в ближайшем космопорте. Только, милая моя, без моей помощи ты недолго сможешь выдерживать связь.

– Значит, помру всем назло. Папа узнает и напустит на тебя свою боевую кофеварку!

Мы, очевидно, зашли в тупик. Сложно поддерживать долгий разговор в таком ключе, не скатываясь в прямые оскорбления. Поэтому Александр настойчиво пытался испепелить меня взглядом, а я, пользуясь временной передышкой и немного спавшим жаром, рассматривала похитителя.

Ничего особенного в общем-то. То есть, конечно, экземпляр, несмотря на отвратный характер и совершенно явный сволочизм, обладал незаурядной внешностью и крайне внушительным сложением, но даже грустно сделалось: впервые вижу инопланетянина, а у него ни рогов, ни хвоста, ни даже третьей груди, как в фильме. Только светлые, коротко остриженные волосы, правильные, хоть и немного грубоватые, черты лица и шрам на левой щеке. Может, со мной злую шутку сыграли накопленные впечатления, но внешность Александра излучала какую-то... не агрессию, а жесткость. Или жестокость. Если бы он был актером, ему непременно давали бы роли самых отпетых злодеев.

– Что? – спросил он и прищурился.

– Ищу признаки внеземных цивилизаций, – призналась я.

Вместо очередной колкости мужчина вдруг начал расстегивать куртку.

– Э, не-не, внушительным признаком хвастаться не надо!

Мне подарили очередной недовольный взгляд.

Потом он снял куртку, и я малость обалдела. Хотя нет... не малость, я просто лишилась дара речи, потому что на руках у него были (Росли? Торчали?) длинные, черные и крайне острые шипы.

Я инстинктивно потянулась пощупать, проверить, не разыгрывает ли он меня, но Александр остановил коротким жестом.

– Они ядовитые. Не трогай.

Я снова вспомнила, что не совсем одета, и благоразумно осталась под одеялом. Меж тем похититель кивнул на столик, где я только сейчас заметила две кучки вещей:

– Это одежда. Домашняя и на улицу.

Кивнула, но с места не сдвинулась. Потом посмотрю, без любопытных и наглых глаз.

– А это, – Александр поставил рядом с одеждой бумажный пакет, – на случай, если тебе захочется есть посреди ночи. Я не буду бегать по первому твоему зову, у меня есть дела. И еще кое-что.

Он протянул мне небольшую, размером со спичечный коробок, пластиковую баночку.

– Это чтобы засыпать. Татуировка не даст тебе толком спать, поэтому можешь принимать их. Но это очень сильное средство, и постарайся пить его не чаще раза в сутки.

– Какая забота, – язвительно прокомментировала я.

– Бриллиана, – с тяжелым вздохом Александр опустил на краешек кровати, – давай начистоту. Единственное, что для меня важно, единственное, что имеет смысл, – выполнить задание и заставить твоего отца сотрудничать. И мне абсолютно не важно, как это задание кончится для тебя. Как не важно то, какие мучения ты будешь испытывать, не имея возможности справиться с зависимостью. У тебя три варианта развития событий. Или ты продолжаешь вести

себя как капризная маленькая девочка, и тебе будет очень плохо. Или ты сотрудничаешь, и я постараюсь максимально избавить тебя от неприятных ощущений.

– А третий?

– От третьего ты уже отказалась. Хотя у тебя всегда есть возможность стать моей любовницей, и проблем не будет вообще.

– Ну да, как будто быть чьей-то любовницей не проблема само по себе.

– Как знаешь. Я не гувернантка, чтобы тебя уговаривать. Делай свой выбор сама.

С этими словами он направился к выходу. Я не удержалась и бросила ему в спину вопрос:

– Куда мы летим?

Думала, не ответит, но в этот раз судьба оказалась щедра на информацию.

– Нам надо сбить хвост, поэтому до конечной точки будем добираться через дикие миры. Долетим до какой-нибудь планеты, сядем там и переждем пару дней, потом еще один такой же бросок.

– Дикие миры? – не поняла я.

Но Александр уже ушел, оставив меня наедине с вопросами.

* * *

Один-один. Кноринг использовал разработки, чтобы перехватить управление кораблем и спасти дочь, а он, Александр, использовал его дочь, чтобы вернуть корабль себе. Пока счет равный, но вскоре им на хвост упадет парочка охотников за головами. До расчетного времени встречи оставалось не так уж много. Сутки, может. Как раз достаточно, чтобы связаться с Канопусом и прыгнуть в ближайший дикий мир, запутывая следы.

Александр задумчиво смотрел на экран, где в режиме ожидания вызова сиял герб Канопуса.

– Слава богу! – на экране вдруг появилась светловолосая женщина. – Я думала, что-то случилось!

– Ваше Величество. – Он наклонил голову.

Императрица улыбнулась и с облегчением покачала головой. Воспользовавшись случаем, массивная тиара тут же свалилась на пол.

– А, плевать, – отмахнулась женщина. – Что там у тебя? Скоро ты вернешься?

– Мм... возникли некоторые проблемы, придется лететь в круговую через пару систем.

– Что за проблемы? – спросила императрица.

– Я работаю над их решением.

– Эти проблемы умеют разговаривать?

– Пока что они только матерятся.

– Но ты над ними работаешь?

– В поте лица.

– Это катастрофа. Галактике приходит конец.

Александр усмехнулся:

– Все шутите.

– Хватит. Рассказывай, что там у тебя случилось и к чему мне готовить отца.

«К тому, что или он скоро станет дедушкой, или не станет дедушкой никогда, если только не доживет до сестричких детей», – подумалось ему.

– Ты интересуешься как мать или как императрица?

Она задумалась. Или сделала вид, что задумалась.

– А что расстроит меня меньше?

Тут он лукавить не стал:

– Если я промолчу.

– Так. Давай по порядку обе версии.

– Я нашел девочку, забрал ее, но Кноринг каким-то образом узнал раньше, чем мы надеялись. Он перехватил управление кораблем.

– Как? – удивилась Паулина.

– Понятия не имею. Вероятно, одна из разработок. Питания не было, управления не было, к нам наверняка летели охотники из внешних границ.

– И ты...

– Я решил пригрозить Брайану, что помучаю его дочурку, если он не вернет мне корабль и не встретится с императором.

– Он согласился? Ты же не тронул Бриллиану?

– Ну... технически – нет.

– Александр! – Женщина тряхнула головой. – Да говори уже как есть!

– Я сделал ей татуировку.

Совсем не по-императорски мать открыла рот. Ее лицо выражало крайнюю степень недоверия.

– Ты сделал ей татуировку?

– Ну да, а что еще было делать? Брайан хорошо знает, чем эта татуировка грозит его дочери, поэтому он вернул мне корабль. И я надеюсь, выйдет с вами на связь.

Он замолчал, и Паулина тоже не торопилась нарушать эту тишину. Она пыталась справиться с новостью, а еще, похоже, никак не могла решить, какой вопрос задавать вперед. Мать в ней боролась с императрицей.

– Что с девушкой?

– Спит. Я дал ей снотворное. Ругается, дерется, разбила мне нос.

– О звезды... На нее подействовала татуировка?

– Физически – да, она связана со мной. А вот психологически... ну, в общем, сама видишь.

– Я не знаю, что сказать. Ты мой сын, конечно, но сейчас я очень сочувствую бедной девочке. В таком случае ты должен вернуться на Канопус.

– Я думал, Бриллиану Кноринг нужно спрятать, – нахмурился Александр.

Ему не нравились изменения планов. Не нравилась идея везти Бриллиану в столицу.

– Ты принц, Александр! – воскликнула Паулина. – Не забывай об этом. Пока еще ты принц.

– До того, как Адриана повзрослеет, – напомнил он.

– Это случится не скоро. Пока что ты – наследник, а раз девушка фактически твоя жена, я хочу ее увидеть. Прилетайте на Канопус как можно скорее. Разумеется, безопасным маршрутом. И... желательно пока без детей!

– Это приказ императрицы или просьба матери?

– Это угроза жены твоего отца! Он нас обоих закопает в дворцовом саду.

– Ладно, ждите сообщений Кноринга. Я уверен, что он согласится сотрудничать. Мы долетим до Канопуса в три прыжка, через дикие миры. Туда охотники не сунутся, по крайней мере быстро. Успеем улизнуть.

– Дикие миры? – Паулина покачала головой. – Это опасно!

– Нет, если ты передашь мне все, что вам о них известно. Я построю маршрут, назову координаты планет, а ты достанешь из базы концепции информацию.

Некоторое время они молчали. Императрица внимательно рассматривала сына, Александр мрачно думал, что успокаивать мать было куда проще, чем реализовывать этот план в реальности. Дикие миры не просто так получили свое название.

– Хорошо, я жду координаты, – наконец вздохнула Паулина. – Постарайся выжить. И еще... Александр, будь человечнее. Я знаю, что на это ты еще способен.

Способен? Он долго всматривался в темный безжизненный экран. Способен ли он проникнуться сочувствием? Способен ли защитить Бриллиану Кноринг не по приказу императора, а по собственному, внутреннему, побуждению?

Он в это не верил. Александр не желал ей зла, но теперь невольно думал: почему она? По какой причине именно Бриллиана выдержала татуировку и теперь оказалась способна родить его ребенка?

Вселенная как следует поиздевалась над дгнарнами, сначала уничтожив их мир, оставив крохи от некогда великой цивилизации, а теперь еще и чинила препятствия, не давая возможности обзавестись наследником. Только татуировка могла дать избраннице возможность выносить и родить ребенка, но с куда большей вероятностью эта татуировка могла убить.

Долгое время он думал, что никогда не решится больше рискнуть, даже не задумается о том, чтобы вновь вывести узоры на нежной девичьей коже. И теперь оказался совершенно не готов к тому, как все повернулось с дочерью Брайана.

Повинуясь мимолетному желанию, Александр включил трансляцию из ее каюты. Очевидно, Бриллиана приняла таблетку, потому что спала спокойно и глубоко. Медицинская система не видела отклонений в жизненно важных показателях. Абсолютно здоровая девушка. Готовая стать матерью парочки принцев или принцесс, но совершенно этого не желающая.

«Что ж, – подумал он. – Вполне справедливо».

Глава третья

О дикий новый мир

Таблетки, что дал Александр, оказались каким-то очень ядреным снотворным. Потому что едва я выпила одну и прилегла, меня сразу же отрубил на всю ночь, и лишь под утро, когда комната озарилась слабым искусственным светом, я смогла проснуться.

Как и дома, на Земле, я долго лежала, размышляя обо всем подряд. Но дома я обычно думала о будущем, планах или заботах, а сейчас в очередной раз прокручивала в голове произошедшее.

Рука болела чуть меньше, но все равно жжение не давало покоя. Помимо него, пожалуй, была небольшая температура, а кожа в особенно чувствительных местах – на шее, например, – словно совсем недавно была обожжена. Прикосновения к ней доставляли легкий дискомфорт.

– Завтрак на столе, – сообщили сверху. – Через шесть часов мы снижаемся.

– Куда? – без особой надежды поинтересовалась я.

– На планету в системе звезды 6940.

– Обалденно точная информация. Сейчас гляну, что там по погоде, а то, может, зонтик придется взять.

– Вижу, у тебя отличное настроение. Как самочувствие? Вместо завтрака могу предложить здоровый утренний секс.

– Ну, во-первых, не здоровый, а здоровенный, и не секс, а облом. И не мне, а тебе. Доступно?

– Вполне. Тогда мучайся в неведении.

Я обиженно фыркнула, но больше для порядка. Александр только издевался, вряд ли он всерьез планировал посвящать меня в детали своего плана. Умываться, переодеваться и завтракать пришлось в гордом одиночестве.

Самое мерзкое, что я всегда считала: жертвы похищений живут планами побега. Когда ты связана в каком-нибудь подвале, в лапах у злобного маньяка, единственное, что остается: мечтать о спасении. Продумывать планы, пусть самые безумные и нереальные.

А что оставалось мне? Даже безумный план не предполагает побега на другой планете. А смириться, покорно следовать за Александром и надеяться, что папа будет благоразумен... ох, проще все-таки попытаться сбежать.

Когда я закончила с завтраком, сверху снова раздался голос мужчины:

– Пока есть время, сделай одолжение, запиши для папы пару слов, чтобы он думал быстрее.

– А если я откажусь?

– Отберу снотворное.

– Пока не слишком-то страшно.

– Вот именно что «пока».

– Ладно, – легко согласилась я.

– Сейчас включу запись.

– Отбирай, – уточнила.

Ответом мне стала очень многозначительная тишина. Я живо представила, как Александр бесится, сжимая кулаки.

– Бриллиана... Ты играешь в опасную игру. Я не против пошутить, если тебе так хочется обмениваться колкостями, но не забывайся.

– Не забываться? Да кем ты себя возомнил? Господином?

– Вообще-то я принц.

– Британский? – зачем-то спросила я.

– Что?

– Ничего. А если ты принц, то я – жена принца?

Похоже, я попала в яблочко. «Принц» надолго умолк, и я уж было подумала, что пропал насовсем, как вдруг решил уточнить:

– Ты мне не жена.

– А кто? Если ты мне татуировочку нанес, два раза в день интересуешься, не изволит ли мое высочество в кровать. По-моему, ты просто отрицаешь очевидное.

– Почему ты меня не боишься? – неожиданно с совершенно искренним интересом поинтересовался Александр.

Я и впрямь попыталась отыскать в себе ответ на этот вопрос. Ничего путного не нашла и лишь пожала плечами.

– Может, все самое страшное уже случилось? А может, это способ справиться со стрессом? Или гордость не позволяет признаться в страхе?

– А может, ты просто вредная невоспитанная девица?

– Тоже вариант, – согласилась я.

Поежилась – кажется, снова поднималась температура.

– Когда мы приземлимся? Что будем делать на планете?

Александр то ли скучал без компании, то ли просто считал мое неведение опасным для жизни и успеха всей операции. Но на этот раз его ответ был куда более развернутый, нежели обычно:

– Симпатичная зеленая планета, мы сядем чуть южнее средней полосы, в лесу, чтобы не наткнуться ненароком на местных. Открыта не так давно, всего пять лет назад, поэтому экспедиция на ней сейчас одна-единственная. Браконьеров нет, техники нет, в общем, девственно чистая планета, на которой мы затеряемся. Переждем время, потом прыгнем снова, до следующей планеты. Потом еще раз, и на третий прыжок выйдем к Канопусу.

– Зачем такие сложности?

– Затем, что за нами хвост. Те, на кого работает твой отец, не собираются мириться с текущим положением вещей. Нас попытаются остановить.

Но я все еще не понимала, какое дело работодателям отца до меня. Эти сомнения и озвучила, а услышав вздох Александра, вдруг отчетливо представила, как он закатывает глаза.

– Можешь стенать сколько угодно, – хмыкнула я. – Но все равно мне непонятно. Мое похищение и... мм... разукрашивание имеет значение исключительно для папы. Если он не станет предавать свое начальство, то проблемы нет и лететь за нами не нужно.

– А если станет? Пристрелить тебя куда проще, чем разгребать кашу, которую мы тут заварили. Это во-первых. Во-вторых, у внешних границ есть ко мне и моей семье личные счета, так что они будут рады встрече. В-третьих, как я полагаю, Брайан скрывал тебя не только от альянса. И для внешних границ ты тоже отличная заложница. Чтобы папочка был послушнее и работал усерднее.

– А что сделает со мной... альянс или как там его? Твои работодатели, в общем.

– Отвезут в безопасное место, выделяют домик в какой-нибудь глуши, где с двух сторон море, а с третьей – обрыв, и организуют ежедневную доставку еды. Это если не брать в расчет татуировку. А если брать... ну как-нибудь уж поживешь. Есть много вариантов, пусть и не самых приятных.

Я напряженно обдумывала услышанное. Честно сказать, в голове все укладывалось очень плохо, но кое-какими выводами я поспешила поделиться:

– Выходит, мне выгоднее лететь с тобой?

– О звезды! – Он так громко это воскликнул, что я подскочила на месте. – Наконец-то дошло! Да! Да! Тебе вы-год-но лететь и не рыпаться, понимаешь? А если изобразишь скромную

невинность перед моей матерью, получишь столько денег в качестве компенсации, что внукам хватит! Теперь до тебя дошло? И ты будешь меня слушаться?

– Нет. Я сделала этот вывод, но еще не осознала. А ты подозрительно сильно обрадовался.

Принц издал тяжелый вздох.

– Да. Все силы галактической империи, вся мощь разведки бессильны против женщины.

– А потому что не надо «против», надо «за».

– «За» ты тоже не соглашаешься.

Что ж, с этим не поспоришь, и я замолчала. Завтрак, совершенно непохожий на привычные земные продукты, потребовал полной сосредоточенности. Где-то я читала, что незнакомые напитки нужно пробовать как яд, кончиком языка. Вряд ли, конечно, Александр стал бы меня травить (в добавок ко всему, что уже в меня впихнул), но фиолетовое пюре с маленькими белыми семечками выглядело так странно, что я не удержалась.

– А если у меня будет аллергия, интересно, меня спасут? – пробормотала себе под нос.

Честно говоря, ожидала саркастического «не надейся» сверху, но мой похититель был занят чем-то другим. И время потекло в мучительном ожидании.

Чем только не займешься, когда нечего делать от слова «совсем». Я позавтракала. Выпила чаю. Посмотрела в иллюминатор, но ничего интересного там не было – темный, безжизненный космос. Сделала зарядку, чем сроду не увлекалась на Земле. Попила еще чаю. А когда мое терпение практически лопнуло и я была готова взмолиться дать мне чего-нибудь почитать, раздался голос Александра:

– Скоро посадка. Пристегнись и не дергайся.

Я растерянно оглядела комнату:

– Куда пристегнуться?

К кровати себя, что ли, привязать?

К счастью, я не успела озвучить это предположение: все в комнате вдруг пришло в движение. Кровать шустренько скрылась в нише в полу, как и все остальные немногочисленные предметы интерьера. Вместо них в центре каюты образовалось (оно действительно образовалось, ибо пока я с подозрением следила за кроватью, за моей спиной что-то происходило) кресло. С ремнями, кнопочками, светящимися штучками и... в общем, такое себе интерактивное кресло, как бизи-борд для ребенка.

Правда, на проверку все кнопочки оказались муляжами, и меня быстро перестали прикалывать светящиеся элементы.

Экран погас. Свет стал ощутимо тусклее, и я заволновалась. Вкупе с температурой, уже привычной сверхчувствительностью кожи и болезненной татуировкой нарастающий страх перед неизвестностью и тугие ремни оптимизма не добавили.

Если бы не фантазия, услужливо подкинувшая картинку, как ржать будет Александр, если я начну хныкать, словно маленький ребенок в очереди за шоколадкой, я бы наверняка не сдержалась.

Кстати... шоколадку-то как хочется! Хотя бы маленькую... можно даже без орешков.

Резкий рывок выбил из головы мысли о шоколаде. Меня бросило на ремни, которые обжигают больно впились в кожу. Потом свет окончательно погас, последовал еще один рывок. Вслед за ним еще и еще. И лишь потом освещение медленно возвращалось, сначала аварийное, а потом и основное.

– Мягкая посадочка, – усмехнулся Александр. – Мы сломали дерево. Хорошо, что здесь еще не эволюционировали природозащитники.

– Можно отстегиваться? – просипела я.

– Да, можешь идти к выходу. Я уже снаружи. Тут довольно приятно.

– А мне разве не нужен скафандр?

Руки плохо слушались, то ли от страха, то ли с непривычки, но я возилась с ремнями куда дольше, чем обычно делала это в машине.

– Нет, атмосфера пригодна к дыханию, вредных микроорганизмов и вирусов нет, радиации тоже. Идеальная планета, я бы даже здесь поселился.

После этих слов разве я могла не заинтересоваться, что там такого интересного снаружи? Тем более что свежий воздух виделся мне если не избавлением от отвратительного ощущения высокой температуры, то хотя бы временным облегчением.

Дверь моей камеры... то есть каюты оказалась открыта, и, к счастью, коридор вел прямо к выходу. Меньше всего мне хотелось заблудиться и дать повод посмеяться.

Пока шла, задумалась: а ведь если жертва боится не того, что похититель ее убьет или замучает, а того, что он ее засмеет, значит, похищение пошло как-то не по плану.

Дурацкие мысли тотчас исчезли, когда я толкнула вбок огромную и холодную серебристую дверь, ступила за порог корабля и оказалась в удивительно зеленом лесу. Огромные деревья уходили в небо, рядом с ними я казалась крошечной, как героиня детской книжки про Карика и Валу. Корабль действительно сел прямо на группу молодых деревьев и напрочь их все сломал. Щепки валялись под ногами, а с места локальной экологической катастрофы спешно убегали полчища жучков.

– Ух ты, – не удержалась от удивленного возгласа, – никогда не видела таких листьев. На Земле другая природа, да? Она везде разная?

– Бывает, повторяется, а бывают совершенно удивительные миры. Этот – довольно обычный. Есть планеты с летающими водопадами, есть планеты с деревьями-вулканами. Недавно мы открыли планету с разумной фауной... ну то есть насколько разумной... это как если зверушка размером с вашего тигра будет обладать интеллектом первоклассника.

Даже не знаю, пугаться, вспоминая наших первоклассников, или смеяться, представляя себе разумного тигра.

Александр меж тем прервал мое единение с природой и как-то очень мрачно позвал:

– Иди сюда, я должен прицепить тебе маяк.

Что такого страшного в маяке, я поняла не сразу. На самом деле я предполагала, что мне выдадут какую-то следилку на случай, если я попытаюсь сбежать. Это было бы логично: космический корабль есть, космический принц... тоже есть. А вот антуража остро не хватает, ни тебе роботов, ни гигантских голограмм. Хоть следилку выдадут...

Я вдруг словно споткнулась и попыталась отшатнуться, но Александр успел поймать меня за руку и дернуть к себе. Оказавшись в стальных объятиях, я поняла, что деваться мне совсем некуда, и от обиды горько всхлипнула, да так, что самой стыдно стало.

– Нет! – пробормотала я, для убедительности качая головой.

– Да, – мягко, но настойчиво проговорил мужчина. – Это для твоей безопасности. Не думай об этом как об ограничении. Думай, что если заблудишься на незнакомой планете, я тебя быстро найду.

– Я это не надену!

Я покраснела и спрятала лицо у него на груди. Потому что сама мысль о том, чтобы надеть... даже не знаю, как это назвать, ошейником? Ожерельем? Чокером?

– Брилл, ну отнесись ты проще, он разрабатывался для пленников, а не для...

– Кого? – Я упрямо поджала губы.

– Для... мм... временных ценных заложниц.

– Пустите меня!

Неожиданно для самой себя я вспыхнула и забилась в его руках, в общем-то понимая, что свобода мне не светит, но иллюзия сопротивления – лучше, чем полная покорность. Все усилия Александра уходило на то, чтобы меня удержать.

– Да подожди ты! Подожди! Я переделаю его, как появится свободное время, вытащу маяк и сделаю, не знаю, брошку или сережку, но сейчас мне надо... Бриллиана, ты как маленький ребенок, ты можешь постоять спокойно? Звезды, какая ты горячая... надо найти что-то от жара. Как же с вами со всеми много проблем.

Наконец он удобнее перехватил мои руки и зафиксировал так прочно, что я вообще потеряла возможность шевелиться. Плюс: я уже порядком устала, но сдаваться не собиралась, а тут так удачно получилось затихнуть. Минус: как-то все же мы оказались слишком близко друг к другу.

– Один день.

– Нет! – хныкнула я.

– Брилл...

– Я не надену ошейник, я же не собака!

– Да... вот... у меня слов нет!

Он задумчиво посмотрел на небо.

– Ладно, хорошо. Я переделаю его сегодня. Но ты меня поцелуешь.

– То есть ты мало того что наденешь на меня следилку, так еще и поцелуй себе урвешь? – от такой наглости я растерялась.

– Ну ты же не хочешь ошейник. Я должен иметь стимул его переделать. За уступки полагается благодарность.

Мне было так жарко, сердце колотилось так сильно, что, кажется, отдавало в почки. Наши лица находились слишком близко друг к другу, и даже несмотря на сильную температуру, я чувствовала жар от губ мужчины, медленно проваливаясь в какое-то странное состояние.

И вдруг очарование момента пропало, а губы перестали обжигать. Может, ослабила влияние татуировка, а может...

Мы синхронно обернулись, и я встретила взглядом с огромной мокрицей. Блестящие черные глаза внимательно рассматривали нас, а длинные тонкие усики мерзко шевелились. Я почувствовала, как внутри все сначала сжимается, а потом переворачивается от отвращения.

– Тихо! – предупредил Александр. – Не орать!

– Девственно чистая планета? – пискнула я. – Мы тут не затеряемся, нас сожрут!

– Успокойся, – усмехнулся он.

Достал из кармана какой-то блестящий предмет, смахивающий на пистолет (я окрестила его бластером, ибо других подходящих слов не знала), и выстрелил в ближайшее дерево, которое тут же вспыхнуло. Искры полетели в сторону мокрицы, и спустя секунду ее уже не было, только топот множества ножек еще с пару секунд доносился из темноты.

– Повизжать охота, да? – хмыкнул этот гад.

– Ну, вообще меня немного напрягает горящее дерево рядом с нами. Если оно спалит корабль, мы останемся здесь жить. И, по ходу, тут не только мокрицы живут. Представляешь гигантскую сколопендру? Или паука?

– Они называются арахниды. А планета не так проста, как кажется.

Я аккуратно кашлянула. Александр вопросительно на меня посмотрел.

– Отпусти меня, а? И... мм... дерево потуши. Можно, я вообще пойду в корабль? Мне перестала нравиться идея здесь гулять.

– Я так понимаю, маяк можно не цеплять, – усмехнулся он.

Еще и издевается.

Пока он тушил дерево, я не удержалась и решила погулять по кораблю. И в мыслях не было вредить или пытаться сбежать, но все-таки я ни разу еще не видела настоящий космический корабль. Отличается он от тех, что показывали в кино, или нет?

Сверху вдруг что-то грохнуло, а потом раздался такой звук, какой могут издавать только десятки мелких лапок, карабкающихся по крыше корабля.

– Мне не страшно, мне не страшно... А-А-А!

Не знаю, кто больше испугался, я или усатая морда, заглядывающая в окно корабля.

– Брилл? – Александр заглянул внутрь. – Что тут у тебя?

– Они бегают по кораблю! – скривилась я.

– Они просто любопытные.

Усатая тварь за окном обнажила сочащиеся слюной (или ядом) клыки.

– Да уж. Очень. Они точно не могут выковырять нас из этой консервной банки? По-моему, мы для них нечто вроде сгущенки.

– Успокойся, – фыркнул он. – Корабль совершенно...

Затрясся. Корабль затрясся.

– Ладно, зверюга, ты меня достал!

Александр скрылся в недрах корабля, и через минуту за окном вместо ночного леса появилась светящаяся зеленая сетка. А насекомое упало мертвым, нашинкованное, как овощное рагу.

– Мне обязательно возвращаться в комнату? Раз уж я навсегда к тебе привязана, можно мне погулять или... не знаю, сделать кофе на кухне? Я бы много отдала за хороший кофе.

– Что именно?

– В смысле?

– Что отдала за кофе? Много – это что?

Я закатила глаза. Вот уж самое неудачное место для шуток – враждебная планета с огромными насекомыми.

На самом деле я готова была делать все, что угодно, лишь бы не лежать в тишине и темноте. Если двигаться, говорить, занимать чем-то голову, то болезненные прикосновения к коже уже не кажутся такими мучительными. Температура не путает мысли. А теперь еще и воспоминания о сорвавшемся поцелуе, который наверняка прекратил бы эту пытку, будут преследовать меня в минуты одиночества.

Проклятье! Неужели такая связь действительно существует? Неужели можно вот так привязать одного человека к другому, заставить его тело игнорировать разум?

– Э-э-эй! – Александр помахал перед моим носом рукой.

– А? Прости, я задумалась.

– Говорю, пойдем на кухню, я хочу есть.

– Почему твои... ну, источники ошиблись, сказав, что это обычная планета? Почему не рассказали о таких насекомых? Или для вас это обычное дело?

– Да нет. Информации о такой фауне в отчетах нет.

Помещения, страннее, чем корабельная кухня, я еще не видела. Вообще все комнаты были сделаны так хитро, что при желании любой предмет мебели легко убирался в специальные ниши. Наверное, чтобы во время посадки или взлета по всему кораблю не летали подушки, одеяла и миски с хлопьями.

Но чтобы вместо привычных холодильника, кухонного гарнитура, микроволновки и посудомойки в стене сделали небольшую, размером с духовку, нишу, подсвеченную со всех сторон ярким зеленым светом?

– Сделай мне кофе с сиропом атниса, – попросил Александр, сел за стол и уставился на столешницу, словно там писали сводки погоды.

Впрочем, действительно писали: любая поверхность на этом корабле, кажется, служила еще и экраном.

Я задумчиво замерла у ниши. Кофе с атнисом? Сделать? Я поняла только про кофе, а вот все остальное – темный лес.

– Мм... я не умею с ней обращаться, – вынуждена была признать.

Ответ одновременно и удивил, и вогнал меня в краску – можно было догадаться:

- Попроси.
- Попроси, – пробурчала я. – Как все просто. Кофе с сиропом... как?
- Атнис, это ягода с легким карамельным привкусом.
- Кофе с сиропом атниса.

Вспышка – и в нише стоит дымящаяся кружка. Я с трудом оторвала ее от поверхности, на дне обнаружился магнит. Ну вот. Даже кружка в случае катастрофы не будет летать по кораблю, угрожая жизни пассажиров. Разве что обварит им задницы.

- А можно у нее попросить шоколадку?
- Можно.

У меня даже настроение поднялось!

- Дай, пожалуйста, шоколадку, – попросила я.

Александр вдруг рассмеялся.

- Это же кухонная система, зачем ты ее уговариваешь?

– Ну ты-то вообще таких слов не знаешь. Пожалуйста, спасибо, извини, Бриллиана, я полный мудак и совершил ошибку. Это все не про тебя, верно?

- Точно. Интересная планета. Похоже, мы крупно ошиблись в ее оценке.
- Разве вы ошибаетесь? – удивилась я.

Он с удивлением на меня посмотрел. А что? Я думала, внеземные цивилизации – это что-то вроде богов. Все знают, все умеют, присматривают за неразумными землянами. Конечно, в образ всезнающих рептилоидов не слишком вписывалась волшебная татуировка, но отказаться от того, во что верила благодаря кинематографу, за пару дней – задача непосильная.

Кстати, о рептилоидах – не зря все-таки сказки придумываются. Шипы ну прямо очень намекают.

– Конечно, Бриллиана, мы ошибаемся. Когда мы открываем планету, сначала запускаем туда пару роботов, но очень-очень скрытно и осторожно. Они оценивают общий уровень развития, условия типа атмосферы, состава воды, почвы и так далее. Затем посылается первая экспедиция. Между собой ученые называют таких исследователей смертниками, потому что на неизвестной планете случается всякое. Статистика невозврата на этом этапе огромная. Затем уже, в зависимости от результатов первой экспедиции, мы определяем дальнейшие действия. На самом деле я не слишком в это вникаю, разведка новых миров – мамина забота.

- Она не дает мне шоколадку, – обиженно пробурчала я.

Александр рассмеялся.

– Вот видишь, – закончив смеяться, он подошел к нише, набрал что-то на панели наверху и выдал мне вожделенную шоколадку, – твое «пожалуйста» не работает, мир вокруг понимает только позицию силы. А еще тебе нужно выучить наш язык, мало кто говорит на твоём. Кофе мы взяли из вашего мира, поэтому название осталось неизменным. А шоколад у нас свой.

- Ты же обещал, что мы долетим до этой вашей... как ее там... и меня отпустят!
- И как ты собираешься жить в мире, не зная его языка?
- Я вернусь домой, поступлю в этот дурацкий колледж и нагоню все, что пропустила.
- Ты серьезно? – На меня посмотрели как на умалишенную.
- А что?!

– Для начала, никто не повезет тебя специально на Землю. Нет, если бы у тебя осталась там малолетняя дочь или старики родители, то мама, быть может, и сжалилась бы, но одинокой плевать, где жить, так что специальный рейс в задницу галактики ради тебя никто не будет организовывать. А если этого мало, то поверь, увидев мир, который я покажу, ты не захочешь обратно.

– Ты всегда так самоуверен и... не могу даже слово подобрать... решаешь за других, что им лучше?

– Ну ладно, пойдем длинным путем. У тебя в крови дикая концентрация возбуждения. Ты связана со мной навечно, и единственное, что избавит тебя от мучений, – жизнь рядом со мной в буквальном смысле этого слова. Если ты не хочешь со мной спать, тебе нужны лекарства. Если хочешь, то соответственно регулярная доза моих прикосновений и всего, что может вообразить твоя фантазия. На Земле тебе не поможет ничто, ни одно их лекарство. Даже диагноз тебе не поставят, а организм не железный: такая нагрузка его изматывает. Поэтому единственный вариант для тебя: находиться рядом, пользоваться нашими разработками и уговорить отца сотрудничать. Так доступнее?

Я молча, рассматривая стол, ела шоколадку. Каждый раз, когда мне казалось, что наш диалог налаживается, Александр напоминал о связи, и все планы рушились. Последнее, за что можно было цепляться – возвращение домой, теперь казалось совершенно идиотской надеждой.

А еще я выпросила шоколадку, но совсем забыла о питье. От такой концентрации сладости аж челюсть сводило, но обида оказалась сильнее.

– В общем, про огромных инсектоидов в отчетах ничего. Экспедиция регулярно посылает маячки, но пока что никаких данных не передавала. Если ее здесь не сожрали.

– Мы будем их искать?

– Нет. Мы переждем здесь пару дней, затем стартанем дальше. Я не записывался в исследователи диких миров. Мне надо проложить маршрут, так что сделай одолжение, как доешь, вернись в комнату и не шатайся по кораблю.

Он о чем-то подумал, а затем для пущей верности добавил:

– Жилые каюты герметичны, а вот в остальных комнатах и коридорах могут бегать маленькие злобные иномирные паучата, медведки и сколопендры.

– Ты же шутишь? – после паузы еле выдавила я.

– Кто знает, Брилл, кто знает, – усмехнулся Александр.

Нравится ему, что ли, издеваться? Мало мне татуировки, еще и добывает своими подколками. Как бы научиться достойно на них отвечать, а не сопеть возмущенно в уголочке. Особенно обидно придумывать ответ спустя половину дня.

– На вот, – он поставил передо мной свою кружку, из которой отпил максимум пару глотков, – запей хоть. Гордая ты моя.

И снова не придумала ответ, только язык в спину показала.

* * *

Как можно сосредоточиться на чем-то, если вокруг столько отвлекающих факторов? Если температура держится на уровне хорошей простудной, кожа болезненно отзывается на каждое прикосновение, а низ живота подозрительно тянет и стараешься не думать, к чему все эти признаки относятся.

Одновременно с этим слышишь, как по крыше кто-то ходит, а еще за окном – если включить динамик – раздается неприятный стрекот. Мерзкая планета. Мерзкая и враждебная. Что бы ни говорил Александр о любопытстве здешних тварей, я была рада, что мы улетим отсюда буквально на следующий день. И еще была рада, что для сна у меня есть таблетки.

– Ух ты, – вдруг раздался голос Александра, – хочешь взглянуть на местное чудо?

Что-то мне подсказывало, что чудо не приведет меня в восторг. Но может, отвлечет?

– Давай.

Окно в моей каюте сменило картинку. Теперь оно смотрело куда-то на запад, где садилось солнце. Сначала я не поняла, что особенного в пейзаже: ну, деревья, огромные кусты, гора какая-то на фоне заката. Затем черный силуэт не то бабочки, не то еще какой твари почти заслонил собой солнце.

– Хм... слушай, а вот я называю ту светящуюся штуку солнцем, но ведь на самом деле это не оно? Как вы называете светило? И неужели не говорите «солнечный свет»?

– Очень редко говорим, но вообще это звезда. Звездный свет, звезда в системе и так далее. У некоторых планет двойные звезды или даже тройные, довольно красивое зрелище. Смотри.

Бабочка расправила крылья и вдруг издала пронзительный звук. Мы не видели никаких подробностей, только силуэт, поэтому оказались избавлены от знания, откуда вылетали десятки маленьких созданий, внешне таких же, как этот мотылек.

– Отвратительно, – пробурчала я.

Александр рассмеялся.

– Почему? Это законы мира. Его обитатели. Мы для них кажемся такими же странными и жуткими. Здесь все подчиняется особым законам, все живет без вмешательства человека. Красивый в своей уникальности мир. Это насекомые. Неотъемлемая часть любого заселенного мира. Ты любишь пушистых зверьков, но ведь пауки тоже пушистые и милые, почему ты не любишь их?

– Милые? В параллельной вселенной?

– Ладно, ты не любишь их, я понял.

– Они агрессивные! Перебирают лапками, чавкают жвальцами... и вообще. Меня пугает эта планета.

– Больше, чем я?

– Ты же не чавкаешь жвальцами. Хотя лапы у тебя тоже вездесущие.

– И с шипами... У меня есть хитиновые шипы, они не пугают тебя, потому что я выгляжу как человек. А они выглядят иначе и пугают. Хочешь, расскажу историю? Грустную, но очень поучительную.

– Ну, рассказывай.

– Давным-давно мы нашли очень интересную планету. Гуманоиды – внешне обычные люди с незначительными отличиями от нас – жили в одной части планеты, а в другой жили... ну не совсем гуманоиды. Они действительно выглядели отталкивающе: кожа цвета сырого мяса, бесцветные огромные глаза, лишенные век и ресниц, вместо волос – наросты из ороговевшей кожи. И что самое интересное, каждое уродство – с точки зрения людей, конечно, – было разным. Два народа жили не то чтобы в мире, но не враждовали. Люди неохотно пускали к себе онтренов – так они называли чужаков. Затем разразилась война, и тут уже вмешались мы. Кое-как урегулировали конфликт, но людей осталось очень мало. Они проигрывали в войне с уродливыми, но сильными и жестокими противниками. Все человеческие города заполнили онтрены. Кое-как два народа учились жить в мире, но, чтобы не допустить вырождения целой гуманоидной расы, мы забирали желающих в другие миры. Я работал с девушкой из этого мира, и знаешь, что она мне рассказала?

– Что вы влезли не в свое дело? – мрачно предположила я, представив, что бы творилось на Земле, если бы в наши конфликты влезали извне. Вряд ли это привело бы в восторг правящую верхушку.

– Они всегда считали онтренов уродами, испытывали отвращение при виде их. И вот война кончилась, города заполнились теми, кого люди боялись и презирали. Моя знакомая как раз поступала на учебу, и в свой первый учебный день она вошла в группу и поняла, что является единственным человеком среди них. Все остальные были иными, совсем непохожими на нее, отталкивающими и пугающими, а еще... все они испытывали ровно то же самое по отношению к ней. Их пугали ее волосы, они с трудом смотрели на ее руки, а уж такая возделенная нашими мужчинами ложбинка в вырезе блузки казалась онтренам чем-то вроде мандибулы на океанской миноге. Синти не выдержала и сбежала. Говорит, первые месяцы на Канопусе она

хоть и была шокирована расовым разнообразием, хотя бы почувствовала себя симпатичной. Но комплексы у нее все равно остались.

– Ага, намекаешь, что все зависит от точки зрения? – хмыкнула я. – Что ж, не имею ничего против, если этим ходячим мандибулам не нравится моя ложбинка, однако оставляю за собой право сбежать в ужасе и не вспоминать про «цок-цок-цок, привет, ребята, я – медведка размером с танк».

– Как скажете, леди Кноринг. Или желаете взять мою фамилию? Могу звать вас леди Фортем.

– Иди ты, лорд Фортем...

Александр снова рассмеялся. Раздразнил и довольный – и как с ним общаться?

– Ты не хочешь быть повежливее, от меня все-таки зависит твоя жизнь!

– Ты же сам сказал, что мое «пожалуйста» не работает. Решила обойтись без него.

Ну вот, я снова придумала ему ответ на издевку спустя половину дня. Но в этот раз хорошо получилось.

Внеземной мир таил в себе, как оказалось, еще один секрет. А именно смену дня и ночи. Казалось, совсем недавно мы вышли в темноту и напугали залпом огня медведку, затем выглянуло солнце и промелькнул короткий день, сменившись закатом. И вот снова темнота. Признаться честно, это начисто лишило меня ощущения времени.

Я легла под одеяло, но в каюте было светло и сон не шел.

– А сколько сейчас времени... ну, по местному?

– Семь вечера. Отбой через четыре часа, но если ты хочешь спать, я могу погасить свет.

– Неплохо бы дать мне возможность делать это самой.

На что Александр с усмешкой ответил:

– Не могу же я лишить себя одного из немногих удовольствий. Ты и так режешь меня без ножа, оставь хоть немного радости.

Свет погас, но я уже завелась и возмущенно сопела.

– Режу без ножа?! Это говоришь мне ты?! Человек, который... который похитил меня! Шантажирует моего отца! Сделал эту мерзостную татуировку и постоянно издевается?!

– А ты думаешь, легко смотреть на тебя, зная, что ты можешь выносить моего ребенка, и сдерживаться? Думаешь, так просто находиться рядом, зная, что ты жизнь отдашь за ночь со мной?

– Какие непереносимые страдания!

Как хорошо, что погасили свет, я, даже не видя себя, поняла, что покраснела, как вареный рак.

– Интересно, когда ты сдашься, Брилли?

– Мечтай-мечтай, я скорее пойду жить к мокрицам, чем пересплю с тобой...

Наружный динамик все еще был включен, и я слышала женский крик, полный страха и боли. А затем женщина произнесла что-то еще на незнакомом языке.

– Ты с кем-то связался?

– Нет. Это снаружи. Сиди в комнате и не высовывайся.

«Ты куда?! А если не вернешься?» – хотелось крикнуть мне, и только невероятным усилием воли удалось промолчать.

Откуда здесь люди, и чего еще Александр не знал об этой планете? Похоже, что многого. Какое-то нехорошее предчувствие поселилось в душе, и теперь уж точно от сонливости не осталось и следа.

Экран-окно был темен, динамики молчали – Александр их отключил. Верхнего освещения тоже не было, только от потолка лился тусклый, ненавязчивый свет. Мой похититель явно надеялся, что я лягу спать. Но разве можно уснуть в полном одиночестве, в неизвестности, в

темноте, да еще и с волнами жара, которые накатывают изнутри и отступают, вызывая неприятный озноб?

Я сидела, прислонившись спиной к стене, обняв руками колени, и старалась думать о чем-то отвлеченном. Какой мир меня ждет? О мечте работать в игровой индустрии можно забыть, но тогда чем заняться после того, как все кончится?

Против воли мысли потекли в совершенно ненужном направлении.

А если все кончится не радужно? Если отец откажется сотрудничать или люди, на которых он работает, найдут нас раньше? Александр, может, и принц, но даже он не сумеет противостоять наемным убийцам или кого здесь отправляют на охоту за врагом.

А даже если и сумеет, то вариантов не долететь у нас масса. Сейчас он ушел на таинственный женский крик, который может быть всем, чем угодно. От реального человека в опасности до какого-нибудь монстра, подражающего человеческому крику.

Время все шло и шло. В моей комнате не было часов, в вещах, что принес Александр, копаться не хотелось. Я вообще не смогла бы сейчас подняться с постели, разрушить хрупкое спокойствие, которое вокруг себя выстроила. Никаких звуков не было, он словно вышел с корабля и сгинул бесследно в темноте враждебного леса. Чтобы не дать панике разгореться, я начала считать секунды. Это занятие вгоняло в транс, освобождало голову от всех мыслей.

Тысяча двенадцать...

Если он не вернется, что мне делать? Попробовать связаться с кем-то через корабль или найти людей на этой планете?

Тысяча пятьсот семнадцать...

Что случится раньше: нас найдут или я умру без лекарств и его поддержки?

Тысяча девятьсот девяносто девять...

А может, умру вместе с ним, ведь зависимость предполагает это... Тогда он еще жив, потому что мое сердце определенно бьется, да так сильно, что, кажется, не успевает и сбивается с ритма.

Две тысячи сто...

Дверь в каюту открылась, я вздрогнула. В следующий миг мозг опознал Александра, но сердце уже пустилось в пляс.

– Ты чего не спишь?

Он спрашивает, почему я не сплю?! Он всерьез это спрашивает, когда я здесь полуживая и едва дышу?! Псих!

Очень захотелось избить его тупфлей. Я едва удержалась, но лишь потому, что была не уверена, что смогу встать и уверенно двигаться.

– Что там случилось?

Это что, мой голос? Вот это вот дрожащее жалобное нечто – мой голос? Хорошо, что не пошла в дикторы. Первый нервный срыв лишил бы меня работы.

– Девушка. – Александр устало стянул куртку и небрежно бросил ее на пол. – Говорит, заблудилась в лесу. Засекла наш корабль и решила, что ее группа послала дрон ее искать.

– Группа? То есть она ученый?

– По-видимому, из той группы, что изучает планету. Она столкнулась с каким-то членистоногим, я выстрелил ему промеж глаз, за что получил бурное осуждение.

Он скривил рожу и писклявым голосом передразнил:

– Нельзя вмешиваться в естественную среду планеты.

– Она на корабле?

– Нет, выдал ей спальный мешок и еды, утром буду разбираться, что делать. По протоколу я не должен отвлекаться на побочные миссии, так что снабдим защитницу экосистемы едой и направлением, а сами стартанем дальше.

Я молча наблюдала, как он расшнуровывает ботинки и стаскивает рубашку, оставаясь в одних штанах, и, по всей видимости, приходила в себя, потому что все это как-то настораживало. Неужели нельзя раздеться у себя?

– Брилли, что с тобой? Ты бледная.

Я отвела глаза. Все равно соврать убедительно не смогла бы, а если итог один, зачем мучиться? Александр сел рядом и без каких-либо усилий развернул меня к себе, заглянув в глаза.

– Ты испугалась? Что-то случилось, пока меня не было?

– Нет, все в порядке. Просто... тебя долго не было.

– И ты решила, что со мной что-то случилось? Надо научить тебя языку и дать эмирт.

– Что дать?

Он со вздохом уселся рядом. От Александра вкусно пахло: смесью парфюма и дождливого леса. Должно быть, снаружи свежо, хорошо. Если не считать гигантских гусениц. Даже жалко, что нельзя выйти.

– Средство связи, что-то типа ваших портативных телефонов, но мощнее. Сможешь связываться со мной, когда захочешь, читать книги и так далее. Но на твоём языке эмиртов не придумали. Завтра с утра разберемся. Но мне приятно, что ты беспокоилась.

– Я беспокоилась за себя! Не хочу умирать в окружении членистоногих. Хватит мне...

Я опасливо покосилась на шипы, поблескивавшие в слабом свете.

– Не бойся, – усмехнулся Александр. – Со мной не так уж просто справиться.

– Самоуверенные красавчики в фильмах обычно умирают первыми.

– Ну что ж, значит, я хотя бы умру с осознанием, что ты считаешь меня красавчиком.

Я насупилась и разозлилась. Ну вот как ему удастся вести себя так по-идиотски в серьёзной ситуации? Мы одни, ночью, в лесу, вокруг шныряют мерзкие твари, между нами какая-то невыносимая жуткая связь, которая медленно меня убивает. А он как будто в стенд-апе выступает, честное слово!

– Хорошо, я рада, что тебя не сожрали, но не пора ли вам, Ваше Высочество, отправляться в свою королевскую опочивальню?

– Императорскую, – поправил меня Александр. – И нет, не пора. Сегодня я переночую у тебя. На случай, если в твоей постельке решит погреться какой-нибудь мохнатый паучок.

У меня даже сил спорить не осталось. Поэтому я молча выпила таблетку, отползла как можно дальше от этого нахала и спряталась под одеялом. Вот так. Брилл в домике. И ни мохнатому паучку, ни впечатляюще эффектному Александру Фортему туда хода нет.

* * *

Итак, на повестке дня оказалось три проблемы.

Первая – и с ней он свыкся – за ними уже отправили охотника. Он перехватил несколько сигналов в этом секторе. Патрулей быть не должно, рейсовые корабли в такой близости от диких миров не проходят. В самом-то деле, галактика – это же не проселочная дорога, здесь сложно встретиться двум кораблям-одиночкам. Кноринг достаточно долго работал на внешние границы, чтобы обучить их отслеживать корабли. Скрываться с Бриллианой на борту становится все сложнее и сложнее.

Вторая проблема, возникшая совершенно не вовремя, – это ученый, которого он практически вытащил из лап огромного паука. На Александра все еще распространялись инструкции разведки. Ничто не должно отвлекать от задания. Даже если в другом полушарии будут убивать его мать, он не имеет права бросить Брилл и решать чужие проблемы. Чтоб эти ученые провалились. Ну как, годами живя на планете, можно умудриться заблудиться ночью в лесу и встретиться с хищником? Она что, в первый раз за пределы станции вышла?

Третья проблема лежала рядом. Делала вид, что спит, но сердце билось неровно, выдавая ее страх. Девчонка испугалась, что он уйдет, бросит ее. Пусть этот страх был скорее продиктован опасением за свою жизнь, он преобразил Брилл. Из разозленной, саркастичной и негибкой девушки превратил в испуганного, готового тотчас разреветься ребенка. Что ни говори, а мужчин такой образ возбуждает, даже если они стараются в этом не признаваться никому, включая самих себя.

Александр давно научился быть с собой честен. И откуда в нем страсть к мазохизму?

– Можно, я включу фильм? – спросил он.

– Мм... угу.

Он не удержался и отодвинул краешек одеяла, обнажив руку Брилл с татуировкой, которая практически зажила. Обвел пальцем темные контуры рисунка.

– Иди сюда, Брилли. Не засыпай. Посмотрим кино.

– Я ничего там не понимаю, – пробурчала она.

Злится. Или смущена. А может, все вместе, и совершенно не знает, как с этим бороться.

Пришлось силой поднять ее и уложить себе на плечо. Бриллиана почти ничего не весила, она вообще сколько раз за этот день ела? Он точно покормил ее утром, затем была посадка, выход, затем она вернулась и съела шоколадку, потом просидела в каюте до тех пор, как они увидели бабочку и услышали крик, потом его не было почти час. И вот она здесь, сонная, сопит ему в шею.

– Брилли, когда ты последний раз ела? Почему ты не сказала, что голодна?

– Я голодна? – Она подняла голову и с удивлением на него посмотрела. – Да... наверное. Я забыла.

Александр вздохнул.

– Тебе нужен не муж, тебе нужен отец.

Он не рассчитывал на ответ, мысленно прикидывал, чем в такой час можно накормить ее и нужно ли вообще это делать. Но Брилл, к его удивлению, тихо сказала:

– Проблема не в том, что мне кто-то нужен. А в том, что у меня нет никого.

Бедный ребенок. Наверное, ей и впрямь сейчас тоскливо. Последняя опора, отец, оказался не тем, кем она его считала. У него самого была полная и довольно большая семья, Александр всю жизнь стремился к уединению, но, по правде говоря, не представлял, каково это: быть совсем одному. Всегда были родители. Жутко занятые, порой он за день гораздо чаще произносил «Ваше Величество», чем «мама» и «папа». Была шепутная сестра, еще не знающая, что примет трон от матери. Был дядя, который редко приезжал, но с которым всегда можно было поболтать по душам. Недостаток близких – не про его семью. У Брилл не было и десятой части этого.

– Заведем тебе зверушку. Или ребенка.

– Мечтай.

Маленькой несчастной девочке не удалось противиться его прикосновениям долго. Когда каждое касание разгоряченной кожи приносит удовольствие, смешанное с облегчением, не до гордости и неприступности. Она расслаблялась, засыпала, такая горячая, что становилось страшно за ее здоровье. Пальцы запутались в мягких шелковых волосах, коснулись чувствительной кожи за ухом. Брилл сладко зевнула и застонала.

– Что? – Он от удивления даже замер. – Да ладно? Тебе нравится, когда тебя чешут за ушком?!

– Мм... – Брилл, когда он остановился, сама потерлась головой о его руку.

– Ну вот. Взяла и убила все надежды. Я не могу домогаться до ребенка, который хочет, чтобы его почесали за ушком.

– А что, домогаться обязательно?

– А для чего еще придумали фильмы?!

- Бедный император.
- Чего это?
- Дурака вырастил.

Ну вот, минута безграничного доверия и желания прошла, доброе утро, язва-Брилл. Интересно, по мере того, как она будет к нему привыкать, чего станет больше: сарказма или доверия?

Глава четвертая

Охота начинается

Я проснулась от того, что мне было очень и очень хорошо. Ну то есть это как проснуться за пять минут до будильника, чтобы с наслаждением доспать до звонка. Или завести будильник на шесть утра воскресенья, подскочить с перепугу и вдруг осознать, что можно спать дальше.

Вот и сейчас организм словно разбудил меня, чтобы похвастаться. Хозяйка, нам классно! Смотри, как мы хорошо спим, как у нас ничего не болит и как нам... жарко.

Я скосила глаза на вторую половину кровати. Вот уж кому было по-настоящему хорошо. Александр спал как убитый, развалившись на большей части кровати. А еще он, словно плюшевую игрушку, прижимал к себе меня.

Нам с организмом резко стало похуже.

Еще я обнаружила на локте пластырь, закрывающий след от укола. Слов нет, одни эмоции, разлегся на моей постели, тискает меня, как поролонового зайца, и еще какую-то фигню вколол. Хотя, наверное, лекарственную, раз я так выпалась и совсем ничего не чувствую.

Вот только попытка выбраться из крепких стальных объятий ничем хорошим не увенчалась. Александр только вздохнул во сне и перевернулся на спину. А следом за ним я, оказавшись сверху.

– Нет, ну нормально? – прямо в ухо ему возмутилась.

Он делал вид, что спит, но именно делал, уж я-то свой голос знаю. Либо Александр помер, либо издевается.

– Выпусти меня в душ!

– Пошли вместе?

– Ты что, дурак?

– Так мы вчера выяснили, что да. Пошли?

Я с сомнением посмотрела на этого нахала. Издевается? Или всерьез думает, что я вдруг соглашусь? Нет, все-таки издевается. А еще он жутко близко, горячий и, кажется, возбужден.

– В общем, я пошла, – пробурчала я, и с некоторым сожалением, но он все же меня выпустил.

– Одевайся. Завтракать будем на природе.

Мне даже показалось, что я ослышалась.

– Чего? Вон там? И что мы будем есть? Твоего ученого или поймашь каракатицу? В Таиланде едят жареных жучков и кузнечиков, говорят, как орешки на вкус. Но мне кажется, для здешних кузнечиков нужна сковородка побольше.

– Просто попьем кофе на природе, а еще пообщаешься с нашей гостьей.

– Зачем?

Он пожал плечами. Нет, определенно Александр что-то темнил, но я не стала допытываться. Проще у стены спрашивать о ее дальнейших планах, чем у него. А еще не хотелось вспоминать прошедшую ночь. Кажется, я совершенно недостойно расклеилась и ныла, а еще он меня обнимал, и это ощущение прикосновения теплых пальцев к коже, на контрасте с вечерней прохладой...

Так, стоп-стоп. Какая вечерняя прохлада в наглухо закрытом корабле? Пора заканчивать со всем этим, брать себя в руки и думать, как выжить дальше.

Казалось, в меня вьелся его запах, свежий, отдаленно напоминающий тот, что возникает после грозы. Смесь озона, дождя и океана. Приятный, очень необычный запах, но он словно стер меня и оставил какую-то другую Брилл. Нужно срочно обзавестись своими духами.

К каким порой интересным выводам приходит человек, когда у него слишком много свободного времени. Казалось бы, какая разница, чьим парфюмом я пахну, если глобально мы сидим посреди открытого космоса в большой консервной банке? Или того хуже, гуляем по лесу, где каждая каракатица норовит тебя сожрать. А может, и не каракатица, да и совсем не сожрать – это я об Александре и его чертовой татуировке.

На нее, к слову, я старалась не смотреть. Взял и испортил мне всю фигуру. А что будет в старости? Кожа станет дряблой, бледной, татуировка поплывет. Буду стыдливо прикрывать платочком следы бурной молодости и гонять клюшкой какого-нибудь деда. Эта картинка так живо всплыла в голове, что я даже забыла, зачем пришла.

Оказывается, когда нет жара и ломки, очень хочется есть. Как бы приятно ни было стоять под горячим душем, как бы я ни оттягивала момент выхода наружу, пришлось сушиться и одеваться.

Александр уже не боялся, что я сбегу, по крайней мере, не заставил меня надеть ошейник и просто оставил каюту открытой. Я легко добралась до люка и вылезла на улицу, под жаркое летнее солнышко. Приветливое, золотистое.

Впрочем, не солнышко, а звезду. Надо запомнить, что Солнце и Земля остались далеко позади, а новый мир имеет свои названия.

– Брилли проснулась, – усмехнулся гад.

И куда только исчез идиот, с которым мы препирались все утро. В присутствии гостьи Александр неуволимо изменился. До этого момента я думала, мы начали друг друга узнавать, но теперь поняла: нет, не начали. Одним взглядом он препарировал сидящую напротив женщину. Я бы даже сказала, раздевал, хотя ничего общего с сексуальностью этот взгляд не имел. Будь я на месте женщины, то уже драпала бы в лес, а она ничего. Пила кофе и шурилась, глядя в небо. Красивая, средних лет, с каштановыми волосами, собранными в хвост, и тонкими, четко очерченными губами. На самом деле я всегда завидовала таким губам. Когда у тебя тонкие губы, тебя воспринимают всерьез. А если мужики видят полные и яркие, у них отключается опция «вникать» и включается какая-то другая. Точно не знаю какая.

– Чего задумалась, Брилли? – хмыкнул Александр, протягивая мне кофе. – Это Хелла. Ксенобиолог. Хелла, это Бриллиана – моя подруга. Чудесное утро.

Я пробормотала нечто невразумительное и села в кресло рядом с Александром – оно единственное было свободным.

Оказывается, на корабле нашлось что-то типа походного набора. Можно было выйти наружу, поставить небольшие, но удобные кресла и пить кофе из серебристых кружек. Все это совсем не стыковалось с образами космической цивилизации, навязанными кино.

Там на незнакомую планету высаживались осторожно, в скафандрах, неуверенно делая первые шаги в новом и, возможно, враждебном мире. А мы вели себя как хозяева галактики. Нарушили уединение леса, распугали местных жителей, сидим тут, как короли, пьем кофе и по-светски беседуем.

– Хелла, так что у вас с отчетами? Я, честно сказать, был удивлен, когда встретился с местными обитателями.

– Да, – кивнула женщина. – Мы готовим первые сводки. Никто не ожидал, что насекомые здесь такого размера. Впрочем, это не такое уж уникальное явление. Многие миры когда-то населяли большие насекомые, если в атмосфере слишком много кислорода, обычный паучок может снести ваш дом.

– Здесь кислорода, кажется, не слишком-то много.

– Эволюция длится миллионы лет. – Хелла пожала плечами. – Может, состав воздуха изменился недавно.

– Разве они не должны умереть в этом случае?

Женщина замялась. Похоже, и ей было неуютно в присутствии Александра. Я старалась не показывать недоумения, но так и подмывало поинтересоваться, с какой ноги он встал, когда я ушла. Так и буравит ее взглядом, словно хочет прожечь дырку. С одной стороны, хорошо, что его пристальное внимание в кои-то веки направлено не на меня. С другой... в какую игру он играет и неужели я не достойна, чтобы мне объяснили правила?

– Я действительно благодарна вам, Ваше Высочество, за то, что спасли меня. Вас послали звезды.

– О, всего лишь конфетно-букетный период, – лениво отозвался Александр. – Показываю Брилли галактику.

Я подавилась кофе и закашлялась. Конфетно-букетный? Ну, шоколадку я помню, букет что-то нет, разве что букет болячек, который я от его татуировки поймаю.

– Кстати, – продолжил он, – Бриллиана родом с еще одной дикой планеты, Земля называется. Не участвовали в ее изучении?

– Мм, нет, я еще училась, когда это происходило. Это моя первая планета.

– В таком случае это объясняет то, что вы вдруг попали в такую неприятную ловушку в лесу. Должно быть, вас отправили к маяку впервые?

Он словно подсказывал ей ответы, и мне почему-то хотелось крикнуть: «Не ведись! Очнись!» Но к счастью, я быстро вспомнила, с кем сюда прилетела и с кем должна улететь. Хелле не позавидуешь. Если бы на меня так смотрели, я бы уже упала в обморок. Александр, словно хищник перед беззащитной жертвой, расслабленно замер. Жертва никуда не денется, вот она, еле живая. Чего он добивается? Зачем так ее пугает?

Я поняла, что ровным счетом ничего не понимаю.

– Я... иногда слишком халатна, – сглотнув, отвечает Хелла. – Прошу прощения, Ваше высочество, я подвела вас.

– Вы не в моем подчинении, Хелла, будете отвечать перед своим начальником. Однако...

Он медленно поднялся, а у меня мороз пошел по коже. Ничего хорошего движения Александра не предвещали.

– Прежде чем я подброшу вас, Хелла, к вашим коллегам, хочу кое-что проверить.

Она сжала кружку. Я заметила, как побелели пальцы женщины, как на бледном лице отразился испуг. Она совладала с собой, но глаза все выдавали.

Александр остановился позади ее стула. Уперся в спинку руками и склонился к женщине, почему-то не отрывая взгляда от меня.

– Посмотри на нее, Хелла. Посмотри внимательно и не сопротивляйся. Это неприятно, но не больно.

Меня била мелкая дрожь от голоса, в котором хрипотца смешалась с угрозой и хорошо скрытой, но все же ощутимой яростью. Показалось, я стала каким-то приемником его эмоций и они на пару с собственным смятением разрывали меня на части.

Хелла отводила взгляд до последнего, морщилась и до крови кусала губу. Кружка выскользнула из ослабевших пальцев.

– Я сказал, не сопротивляйся, Хелла. Смотри на нее, и все закончится.

Тонкая струйка крови медленно потекла из носа женщины, и в этот момент я словно очнулась от оцепенения.

– Хватит! – крикнула я. – Что бы ты ни делал, остановись немедленно!

Удивительно, но он послушался. Выпрямился, тяжело дыша, смерил меня мрачным взглядом и отрывисто приказал:

– Иди внутрь.

– Что ты с ней сделаешь? Кто она такая?

– Брилл, иди в корабль и позавтракай. Это приказ.

Я не знала, продолжать упрямиться, сказать, что я не его рабыня, чтобы слепо следовать приказам, или послушаться. Но оставить Хеллу? Да в чем виновата исследователь дикой планеты? И что вообще он с ней сделал?

– Брилл, – спустя секунду, уже мягче, повторил Александр, – иди на корабль.

Бросив последний взгляд на бледную, вытирающую с лица кровь Хеллу, я подчинилась.

В прохладном коридоре корабля я села у стены и опустила голову, чтобы отдышаться. Ощущение, словно меня пропустили через пресс. Зачем был этот цирк? Зачем он вытащил меня на улицу и усадил перед Хеллой, что сделал с ней потом и... что будет делать сейчас?

Вчера ночью мне показалось, он утешал меня, когда я испугалась. И шутил, говорил какие-то глупости, которые отвлекали от пережитой паники. А сегодня я вдруг поняла, что может быть и по-другому. Страшно. Непонятно и неправильно.

Но на этот раз ожидание было недолгим. Александр вернулся на корабль и остановился, найдя меня рядом со входом, в коридоре.

– Идем, будем стартовать. Они знают, где мы.

– Что? – Я вскинула голову, чувствуя, как сильнее бьется сердце. – Откуда?!

– От верблюда. Эту идиотку послали на разведку, выяснить, в каком мы сейчас составе и насколько защищены.

– Она не ученый? – ахнула я.

– Такой же, как из меня герцогиня. Иди к себе и пристегнись, будем взлетать. Она первая ласточка, больше идиотов в погоне за нами не будет.

– Что ты с ней сделал?

– Ничего, покопался в ее голове и выпер на все четыре стороны. Пусть или валит к своим, или жуков кормит, мне плевать.

А я... не поверила. Просто не поверила, потому что... не знаю, может, и правда стала приемником его эмоций или сработала природная интуиция. Но в то, что Александр отпустил ее, не поверила. Однако и спросить не решалась, почему-то подумав, что если узнаю все точно, это что-то изменит. Хотя довольно глупо ждать, что он будет добр, милосерден и ласков со всем миром.

– Брилл, – с трудом сдерживаясь, сквозь зубы процедил Александр. – Я не воспитатель в детском саду. Для меня существует только одно задание, и если на пути кто-то встанет, последнее, о чем я буду думать, – это милосердие. Понятно?

Я вздрогнула.

– Как ты это делаешь? Угадываешь, о чем я думаю?

– Дгнарны – телепаты.

– Ты читаешь мысли?!

– Твои – нет. Твои красноречиво отражаются на очаровательном личике. Чтение мыслей ты видела на примере Хеллы. И еще раз, Бриллиана: иди в каюту, пристегнись и готовься к взлету. Я не желаю рисковать, мы отсюда сматываемся. Мне не нравится то, что они послали за нами какую-то дурочку со слабой легендой. Если это игра, то игрок в себе уверен.

Что ж, это больше, чем мне рассказывали раньше, и, пожалуй, можно считать прогрессом. Я мало что понимала в их играх. Хеллу послал отец... люди отца, зачем? Она не выглядела как убийца, так, может, все совсем не так и Александр врет о том, что у отца мне грозит опасность?

Я вернулась в каюту, где меня снова ждало многострадальное кресло с ремнями. Экран управлялся извне и демонстрировал мне панорамы мира, который мы покидали. Словно кто-то запустил дрон над планетой и записал туристический ролик. На самом деле это здорово отвлекало. Я с удовольствием рассматривала прекрасные, не тронутые человеком леса. С отвращением – огромные, размером с гору, муравейники. С ужасом наблюдала за стычкой двух стрекоз, которые сражались так яростно, что даже пришлось закрыть глаза и не смотреть. С интере-

сом увидела, как над поверхностью кристально чистого озера появилась усатая морда какой-то тварюшки и тут же скрылась, заметив дрон.

Это был красивый, хоть и своеобразный, мир. Даже захотелось, чтобы он всегда оставался таким, чтобы люди не испортили его уникальность своим вмешательством.

Потом я затосковала. Размышлять по десятому кругу, строить в голове безумные теории о происходящем стало до тошноты скучно. Затекла шея, онемели ноги, я ерзала в меру возможностей, как позволяли ремни, но когда они наконец ослабли, с облегчением сползла с кресла.

И еще хотелось есть. Хотя нет... жрать. Я бы съела сейчас целую курицу, наверное.

И все-таки Александр врал насчет мыслей, написанных на лице. Сейчас он не видел моего лица, а мысли все равно прочитал:

– Приходи на мостик, Брилли. Я тебя накормлю.

Логичнее было бы позвать меня на кухню, но, вероятно, когда Александр работал, он ел, не отрываясь от этого процесса. Непонятно, конечно, почему я не могла бы поесть одна. Хотя что ж тут непонятного? Зато теперь меня выпускали из комнаты. Один шагок к тому, чтобы не чувствовать себя пленницей.

Я никогда не была на мостике, но меня вела, как ни странно, подсветка коридоров. Я шла по освещенным тоннелям, входила в подсвеченные двери и, как хорошая девочка, избегала темных участков. Не хотелось, чтобы вместо завтрака меня отскребали от частей двигателя.

Оказавшись в святой святых, самом сердце корабля, я замерла, пораженно рассматривая большое куполообразное помещение. Визуально его делили разноуровневые площадки. С той стороны, где зашла я, располагались какие-то экраны со статичными графиками и формулами. Если спуститься на несколько ступеней ниже, то можно увидеть два белоснежных кресла – для пилотов, я полагаю. В одном из них сидел Александр.

Еще тройка кресел была на самом нижнем уровне, а всю стену занимал экран. Он начинался от самого пола и шел до середины купола. Часть экрана демонстрировала черный, с мигающими звездами, космос. А часть служила экраном для каких-то показателей и разной пилотной ерунды.

Я чувствовала себя как неандерталец в кабине самолета. Александр с явным удовольствием наблюдал за моим шоком. Перед ним прямо в воздухе висел небольшой столик. Сервированный на одну персону.

– Садись. – Мужчина кивнул на соседнее кресло.

– Я могла бы поесть сама на кухне. Если ты занят.

Из большой, глубокой, овальной формы тарелки торчал какой-то голубой хвост, напоминающий креветкин. Если бы креветки были размером с небольшую кошку.

– До прыжка еще долго.

– А где мои приборы?

Вместо этого Александр усмехнулся, выковырял из креветки вилкой кусочек мяса и поднес к моему рту. От запаха съестного закружилась голова, но я нахмурилась.

– А что, нормально мне поесть нельзя?

– Брилли, я имею право на моральную плюшку. Кормить тебя очень захватывающе.

– За что это тебе моральная плюшка? По-моему, тут я жертва похищения, домогательств, насильственного татуирования и чего там еще...

– Ты выучила язык, я всю ночь возился с твоим маячком, и теперь тебе не надо носить ошейник. Разве я не заслужил полчаса удовольствия?

– Я... погоди, что?! Я выучила язык?

Тут я замерла, вспомнив, что без проблем понимала Хеллу, а ведь вряд ли она знала английский.

– А как это возможно?

– Съешь кусочек, расскажу.

Это походило на игру. Для меня неловкую и смущающую, для него, кажется, веселую и возбуждающую. Все-таки в каждом мужчине есть что-то от мальчика, которым он некогда был. Даже в часы наивысшей сосредоточенности они готовы дурачиться по полной.

– Это морской гад? – Я пожевала нежнейшее сочное мясо голубой креветки и рассмотрела ее подробнее.

Ну да, как есть. Только цвета другого и вместо крошечных лапок вполне себе клешни. Ну и глаза, как два ограненных алмаза, очень необычные. Пожалуй, такой креветкой могли бы наестся три Бриллианы.

– Ну не знаю, насколько он гад, – совершенно серьезно ответил Александр. – Мне он ничего плохого не делал.

– И поэтому ты его сожрал.

Мне сунули второй кусочек.

– А вопрос? Я еще не задала!

– Как это? Про гада задала. Ам.

Тьфу на него. Надо бы раскричаться и отказаться от такого завтрака, но так не хочется, кто бы знал! И гад вкусный, и гад напротив, зараза, красивый, и когда еще меня будут кормить с вилочки на борту огромного космического корабля голубой креветкой?

– Ладно, – прожевав, я задумалась, о чем бы спросить. – Как я выучила язык?

– Сывороткой.

– Чем?

– Ам.

– Да блин, так нечестно! Сначала скажешь что-то непонятное, а потом засчитываешь мне вопрос. Отвечай развернуто, вдруг я обожрись раньше, чем выясню все интересное?

– Я вколол тебе ночью сыворотку, подключил к обучающей системе, и ты выучила язык. Осталось отшлифовать в диалогах и закрепить все. Технологии.

– Ладно... – Я снова задумалась. – Куда мы дальше?

Получила кусочек гада и подумала, что, пожалуй, ради такого вкуса стоит потерпеть игры Александра. Врут все, кто считает, что если ты живешь рядом с океаном, то непрерывно питаешься деликатесами. Если денег немного, то хоть у океана, хоть в глухом лесу – не до изысков.

– На одну из планет в очень интересной системе. У звезды три планеты. Первая – мир на уровне отсутствия разумной жизни. Что-то типа той, где мы были. Природа, никем не тронутая, красота. Вторая планета с развитием уровня, может, чуть ниже, чем у твоей Земли. Мы ее не трогаем, потому что она застыла в развитии уже много-много сотен лет.

– Это как? – нахмурилась я.

– Сначала ам.

Я с такой силой куснула вилку, что чуть не отхватила часть вместе с креветкой.

– Ну вот так, – продолжил Александр, – мы ее давно ведем исключительно внешне. На орбите висит спутник-невидимка, собирает данные, но... жизнь на планете есть, а исследовательской активности – нет. Они не проводят запуски ракет, не исследуют космос или верхние слои атмосферы, не выводят спутники. Жизнь там словно остановилась по какой-то причине, жители не хотят развиваться. Не слишком типичный случай, но подобное уже бывало. Знаешь, фантастика о мирах, где все ушли в виртуал или потеряли способность к саморазвитию, – не такая уж фантастика. Нам в целом интересно выяснить, что там случилось, но такие экспедиции требуют кучи денег, и пока бюджета нет.

– А третья планета?

Мне выдали особенно большой кусок креветки, и несколько секунд я размышляла, как к нему подступиться. Если бы не внимательный взгляд Александра, есть было бы проще. По крайней мере я бы не парилась, достаточно ли изящно жую.

– А третья – что-то вроде курортного местечка для среднего класса. Там достаточно дружелюбная естественная природа, много небольших отелей, куча разных рас и видов. Мы там затеряемся в два счета и немного переждем, ну и заодно я встречу с одним... мм... существом. Надеюсь, он просветит меня, кого послали за нами на охоту.

Мне еще хотелось спросить, что будет дальше, когда все кончится, что делать мне в новом мире. Что будет, если Александр погибнет. Что будет с папой, если он сдастся им. Что будет с ним, если не сдастся. Но вкусный обед под негромкое гудение корабля и легкий настрой так не хотелось портить, что я проглотила все неприятные вопросы. Только от одного не удержалась:

– А над чем работает папа? Ты говорил, какие-то военные системы, разработки, но что в них такого опасного? Я думала, ничего страшнее ядерного оружия нет.

Александр тяжело вздохнул. Он явно не планировал обсуждать это, но по какой-то причине и не отказывал, как раньше, в ответ на все вопросы.

– Это сложно, Брилли. Я не до конца понимаю, что он делает и как, потому что никогда не имел дела с такими технологиями. Но я знаю, что лет десять назад один из наших научных центров совершил прогресс в области матмоделирования будущего. И одна из моделей показала полное уничтожение цивилизации в таком виде, в каком мы ее знаем. Спецы сделали анализ опасности технологий и пришли к выводу, что развитие – это хорошо, но есть некий потолок, когда общество перестает двигать науку во благо и начинает двигать ее во вред.

– Но ведь все зависит от того, как использовать полученные знания. На Земле технологии не всегда работают правильно, мы могли самоуничтожиться миллион раз.

– Ну да, и многие миры так и делают. Погибают из-за изобретения ядерного оружия или даже огня. Некоторым везет. Нам везло миллионы лет. И мы, кажется, достигли потолка. Понимаешь, есть неопасные технологии – относительно, разумеется. Космические корабли, системы жизнеобеспечения и безопасности можно развивать бесконечно. А есть, например, редактирование генома... в малых дозах оно полезно: убрать врожденный дефект, спасти жизнь долгожданному ребенку. Дальше – больше. Поменять цвет глаз, волос, кожи. А потом? Приделать крылья, хвост?

– Ядовитые шипы? – не удержалась я.

– Но-но, попрошу не трогать честно полученное от эволюции. Но в целом можно и шипы. И если такая технология станет простой, как три копейки, то каждый сможет вмешиваться в геном человека и мы получим целый мир сверхлюдей с непредсказуемыми ошибками в днк и неизвестно каким характером. То же самое и с клонированием. Хорошо, если это клонирование органов для пересадки. А если это клонирование людей для каких-то темных целей? Поэтому мы отказались от клонирования разумных существ и очень дозированно ведем исследования по оцифровке сознания. И таких нюансов много.

– И папа работает над чем-то опасным?

– Над номером один в рейтинге. Над искусственным интеллектом.

– Над разумным компьютером? Я думала, у вас уже такие есть.

– Компьютеров, которые бы себя осознали, – нет. Разумные машины, Брилли, это очень жуткие противники. Гарантии, что не начнется противостояние с ними, нет. А твой отец продвинулся в создании ИИ дальше всех. Именно осознанного искуина, который знает, кто он, имеет эмоции, чувства и свои желания.

– А я думала, эмоции – это химические процессы.

– Не всегда и не полностью. Живые существа, несмотря на наш уровень науки и медицины, все еще не слишком хорошо изучены. Мы не можем ответить на вопрос, что такое сознание и в какой момент оно появляется, а твой отец, кажется, смог. И на данный момент, Брилли, искусственный интеллект, осознавший себя, – самое страшное оружие во вселенной.

Я передернула плечами, столько в этих словах было мрачного предчувствия. Сложно вообразить все эти опасности человеку, знания о роботах у которого базируются исключи-

тельно на искусстве. Хотя и на Земле были параноики, что пытались запретить исследования генома, клонирование и все подобное. В чем-то их аргументы были похожи на те, что привел Александр. Может, не так уж они и не правы.

– Есть еще один вопрос, – вдруг произнес мужчина, – который не дает мне покоя.

Я с интересом повернулась к нему. Черт, а когда с тобой наравне обсуждают свои мысли, это очень приятно.

– Мне очень интересно, – тихим, бархатистым голосом, приближаясь к моему лицу, произнес Александр, – когда я смотрю на твои губы. Действительно ли они такие мягкие, как кажется. Можно... я проверю?

Словно зачарованная, я кивнула. Потому что сил сопротивляться этому адскому магнетизму не было. Потому что тело помнило, как от одного прикосновения разливается ни с чем не сравнимое блаженство покоя. Потому что удержаться и не дать себя поцеловать космическому принцу оказалось невыносимо сложно.

А еще потому, что я никогда толком не целовалась и... черт возьми, очень хотела узнать, каково это.

Вот только вместо ожидаемого поцелуя этот гад в ответ на мой кивок поднял указательный палец к моему лицу и с интересом потыкал им в нижнюю губу.

– И правда мягонькие.

Я с шумом выдохнула, не сумев скрыть шок и злость.

– Ты... ты...

На что Александр с ехидцей уточнил:

– Думала, я тебя поцелую? Придется попросить, Брилли.

– Размечтался.

Я жутко покраснела, а еще ощутила такой явственный и обидный укол разочарования, что вмиг пропали и предвкушение, и аппетит, и заодно благодарность за информацию. Как ему это удастся? Я, как ребенок, попадаюсь на простейшие обманки.

– Ты наелась? Хочешь посмотреть на сверхсветовой прыжок к системе отсюда?

Блин! Я закусила губу, потому что до ужаса хотела, но ведь вроде как обиделась...

– Давай, Брилли, попроси хотя бы об этом.

– Почему тебе так нравится играть? – вместо просьбы я задала вопрос. – Почему так важно... противостояние?

Он долго молчал и рассматривал меня так, словно вдруг я открылась с неожиданной стороны. Хотя что в этом неожиданного? Мы вместе уже несколько дней и, кажется, связаны насмерть. Меня эти узы пугают, а его? Забавляют, интригуют и волнуют? Неужели вот так играючи можно связать себя с едва знакомой девушкой? Пусть даже ему тысячу раз плевать, буду я жить или нет! Пусть нет никакого дела до того, как больно мне будет, когда он уйдет слишком надолго. Но неужели Александра не пугает сила, способная намертво привязать одного человека к другому?

А может, за маской есть что-то еще. И сила уже не пугает, а обрекает на что-то гораздо более худшее, чем физическая зависимость.

– Просто я гораздо старше, Брилли, и опытней. Когда ты подрастешь, то поймешь, что это – единственная возможная игра. В других победителей не бывает.

– Я хочу посмотреть на прыжок отсюда.

– Тогда доешь обед, – улыбнулся он.

Но почему-то улыбка вышла невеселой, а в глазах промелькнула тоска.

Ладно, Александр Фортем, я выясню, что ты собой представляешь. Докопаюсь до каждой твоей, даже самой маленькой и незначительной, тайны, а потом подумаю, как это использовать. Потому что у тебя есть козыри в этой игре, а у меня пока ровным счетом никаких. Не получится

поставить шах и мат, переверну нафиг всю доску и потеряю королеву. Тоже стратегия, пусть и в нарушение правил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.